

Феномен социальной эксклюзии в условиях России*

Н.Е. ТИХОНОВА

Статья посвящена сравнительно новой для российского читателя проблеме — социальной эксклюзии. Новизна этой темы в России и ее популярность в зарубежной социологии привели к повышенному вниманию к ней российских социологов. Однако пока в этой области остается больше вопросов, чем ответов, а разнобой мнений по поводу того, что же считать социальной эксклюзией, сильно напоминает теоретическую путаницу. В статье предпринимается попытка дать ответ на часть вопросов, связанных с пониманием сути социальной эксклюзии и спецификой ее проявления в российском обществе. Что такое социальная эксклюзия в широком и узком смысле слова? Насколько вообще применима концепция социальной эксклюзии в России, и если да, то каковы масштабы этого явления? Можно ли эмпирически измерить социальную эксклюзию? Какова связь эксклюзии с бедностью и безработицей! На эти и многие другие вопросы автор и пытается дать ответ.

Проблема анализа социальной эксклюзии применительно к условиям России относится к наиболее сложным в любом исследовании положения обездоленных групп общества. И дело здесь не только в том, что, в отличие от стран Западной Европы, где проблематика социальной эксклюзии исследуется давно и плодотворно [Abrahamson 1998; Doyle, Gough 1991; Gough 1994; Leonard 1997; Social Exclusion 1996; Paugam 1996; Touraine 1991], став уже одним из общепринятых аспектов анализа проблем социальной политики**, к изучению этой проблемы в России только-только приступают. После пионерских исследований 1993—1998 гг. Н. Черниной и исследований Ф. Бородкина, В. Герчиковой, О. Пучкова, Т. Вершининой реализовано (или реализуются) всего несколько сравнительно небольших региональных исследований по проблемам эксклюзии или проблемам, так или иначе тесно связанным с ней (Е. Балабанова — в Нижнем Новгороде; П. Романов — в Саратове, В. Пугин — в Архангельске и др.).

* Статья подготовлена в рамках проекта «Бедность и социальная эксклюзия в России: региональные, этнонациональные и социокультурные аспекты» (Грант INTAS, 98-1439).
** Commission of the European Communities, 1993, The Future of Social Policy: Options for the Union. A Green Paper. Brussels: DG V.

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсам «Экономическая социология» и «Социальная стратификация».

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Главная сложность связана с необходимостью решить две сугубо теоретические проблемы. Первая состоит в том, что любая научная теория работает только в определенных условиях, рассмотрена строго определенный круг явлений, и естествен вопрос, насколько ситуация в современной России в принципе может быть описана и проанализирована через призму концепции социальной эксклюзии. Ведь эта концепция создана и эффективно работает применительно к обществам скорее постиндустриального, чем индустриального типа. Обществам, где на место вертикальной приходит стратификация горизонтальная, где неравенства связаны в первую очередь с дискриминацией тех или иных индивидов и семей в основных механизмах интеграции, а не принадлежностью их к заведомо бедным классам или группам (например, неквалифицированных рабочих) и где акцент в преодолении этих неравенств делается соответственно не на перераспределении доходов, а на обеспечении равенства доступа к основным механизмам интеграции. Словом, обществам, находящимся на особом этапе развития.

Этот тип обществ может называться по-разному — постиндустриальным (Д. Белл), обществом риска (У. Бек), сетевым (М. Кастельс) и др. Но в любом случае это особый этап общественного развития, который приходит на смену обществам, «перераспределяющим богатства» (У. Бек). Этап, когда на первый план выходит не столько групповая принадлежность индивидов, сколько их индивидуальная ситуация, и происходит *«общественный сдвиг доселе невиданного размаха и динамизма в сторону индивидуализации»* (причем при сохранившихся в значительной мере отношениях неравенства). Это означает, что на фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий, в ходе исторического разрыва с устоявшимися формами жизни, люди освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями» [Бек 2000, с. 106].

Насколько применимо к сегодняшней России такое определение? С одной стороны, современное российское общество, конечно, сложно воспринимать всерьез как общество постиндустриального типа или информационное общество. Не в пользу применимости в России концепции социальной эксклюзии говорит и то, что в СССР десятилетиями планомерно строилось «социально однородное общество», и, надо признать, что, несмотря на сохранение значительной дистанции между «управляющими» и «управляемыми», разница в уровне жизни подавляющего большинства россиян была к началу рыночных реформ 1990-х годов относительно невелика. Установка на то, чтобы быть «как все», фактически была одним из основных элементов господствовавшей идеологии. Система общественного контроля и взаимопомощи по месту работы и месту жительства действовала очень жестко. Независимо от желания самого человека, он вольно или невольно вынужден был находиться в мейнстриме. Ни о какой эксклюзии применительно к обычным гражданам, по крайней мере как о массовом явлении, в советскую эпоху даже речь идти не могла.

С тех пор прошло больше 10 лет. Социальная дифференциация российского общества зашла очень далеко, а старые механизмы социальной интеграции разрушены почти до основания. Понятно, что ни о какой однородности и едином

мейнстриме речь уже не идет. При этом отсутствие в течение всего периода реформ сколько-нибудь серьезных массовых выступлений классового характера позволяет ставить вопрос о том, что анализ современного российского общества в рамках подходов, разработанных применительно к обществам классового типа, явно недостаточен, и, возможно, описывать происходящие в России процессы следовало бы через призму концепций горизонтальной стратификации, индивидуализации рисков и социальной эксклюзии.

Это подтверждает и анализ результатов определения людьми собственной идентичности в рамках исследования «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?»*. Анализ однозначно показал, что принадлежность к той или иной социально-профессиональной группе, ни тем более к людям определенного материального достатка не относятся к числу доминирующих идентичностей как россиян вообще, так и наиболее неблагополучной (с точки зрения материального положения) их части.

Говоря о необходимости определения применимости концепции социальной эксклюзии в России, необходимо отметить также, что в нашей стране существует категория людей, которая по определению страдает от социальной исключенности. Речь идет о не имеющих прописки, или, в более современной терминологии, «регистрации по месту жительства».

Не имея постоянной регистрации, любой гражданин России автоматически исключается из обычных и общепринятых механизмов интеграции и социальной поддержки. Это связано с тем, что не только вся социальная политика в России осуществляется через соответствующие территориальные управления различных государственных служб, но и с тем, что официальная, «белая» занятость, дающая наибольшие социальные гарантии, в том числе и гарантии определенного уровня дохода, также предполагает наличие прописки (регистрации) в данном населенном пункте. Поэтому прописка по конкретному адресу служит тем водоразделом, который отделяет формально благополучную, «нормальную» часть населения России от другой его части, которая заведомо оказывается в положении социально исключенных.

Ненормальность ситуации, сложившейся в российском обществе с этой категорией лиц, настолько очевидна, ею занимаются так много людей и организацией, что изучение данной формы эксклюзии было вне пределов моего рассмотрения. Свою задачу я видела в попытке проанализировать проблему эксклюзии применительно к обычным на первый взгляд членам российского общества, имеющим постоянное место жительства и прописку, те или иные стабильные источники дохода и право на получение всех полагающихся им по закону льгот и пособий. Поэтому в данной статье я опираюсь на результаты лонгитюдного панельного исследования** только тех домохозяйств, члены ко-

* Исследование проводилось в 1998 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) совместно с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ (Германия) с общероссийской выборкой в 3000 человек. Подробнее о полученных результатах см.: [Тихонова 2000, с. 191—197].

** Проблемы социальной эксклюзии я анализировала в рамках нескольких проектов, основываясь прежде всего на данных лонгитюдного панельного исследования 105 бедных домохозяйств Москвы, Воронежа и Владикавказа, которое проводилось в 1999—2000 гг. в рамках проекта «Бедность и социальная эксклюзия в России: региональные,

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

торых имели прописку по определенному адресу или официальный статус беженца, т. е. были признаны в качестве полноправных членов общества и формально имели право на бесплатную медицинскую помощь, бесплатное образование, пособия и льготы, включая льготы и пособия на оплату жилья, в тех объемах, которые гарантируются российским законодательством. И именно по отношению к ним я и пыталась определить правомочность применения концепции социальной эксклюзии в условиях России*.

Уже в начале первого этапа интервьюирования проблема эксклюзии была поставлена самими респондентами, что свидетельствовало о ее остроте применительно к российским условиям. Разумеется, термин «эксклюзия» не использовался ни интервьюерами, ни тем более респондентами в силу его новизны и непонятности для россиян. На мой взгляд, данный термин вообще не имеет в русском языке адекватного перевода, и, уж во всяком случае, очень неудачен его перевод, как «исключенность», являющийся прямой калькой с английского. Скорее, следовало бы употреблять термин «отверженность». Тем не менее, поскольку в качестве русского эквивалента термина «эксклюзия» утвердился термин «исключенность», я также использую его в дальнейшем изложении. Респонденты же обычно рассматривали эксклюзию как характеристику собой, крайней формы нуждаемости.

этнонациональные и социокультурные аспекты» (Грант INTAS, 98—1439). Руководил этим международным проектом Н. Мэннинг (Ноттингемский университет, Великобритания). Кроме него, в исследовании участвовали известный специалист по проблемам бедности проф. Д. Вейт-Вильсон (Великобритания) и один из лучших специалистов по проблемам социальной эксклюзии декан социологического факультета в Копенгагене (Дания) проф. П. Абрахамсон. Российской частью исследования руководила я, а среди участников проекта с российской стороны были проф., д-р филос. наук А. Здравомыслов, канд. социол. наук Н. Давыдова и канд. филос. наук А. Цуциев. Наиболее полно результаты этого исследования опубликованы в монографии [Poverty and Social Exclusion 2003]. Следует подчеркнуть, что из этих 105 домохозяйств 19 входили и в панель исследования 1996—1997 гг., которая интервьюировалась в рамках проекта «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Запад и Восток. 1995—1998» (Грант INTAS, 94-3725) (рук. Н. Мэннинг и О.И. Шкаратан). Для анализа проблематики социальной эксклюзии в данной статье использовались материалы тендерного интервьюирования, проводившегося в 2002 г. по методу кейс-стади в 25 домохозяйствах (56 интервью) из той же панели, которая опрашивалась в 1999—2000 гг., причем 17 домохозяйств входили и в панель 1996—1997 гг., т. е. наблюдения за ними велись более 6 лет. Интервьюирование в 2002 г. осуществлялось при финансовой поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров, предоставившего ему в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию специальный грант № 01-68450-000 для реализации проекта «Влияние экономических реформ на положение, стратегии выживания и семейные роли женщин из бедных городских семей».

* Разумеется, учитывая характер проведенных панельных исследований и ограниченность их выборки, я не ставлю перед собой в данной статье задачу дать исчерпывающую характеристику форм эксклюзии в России, ни, тем более, проанализировать их распространенность. В то же время использовавшиеся в наших многолетних исследованиях качественные методы позволили получить достаточно большой объем информации и сделать на ее основе определенные выводы, которыми мне хотелось бы поделиться с читателями журнала.

Итак, уже в ходе первых интервью респонденты по собственной инициативе среди главных признаков, позволяющих говорить о неблагополучии семьи в современной России, называли не только нехватку денег или переживаемые лишения, но и отсутствие доступа к основным механизмам интеграции. Причем респонденты это четко связывали с недостатком ресурсов (как материальных, так и социальных) для нормальной интеграции в общество. Соответственно бедность многие респонденты понимали именно как эксклюзию, а не просто как низкий уровень жизни, характерный ныне для большинства россиян. Как сказал один пожилой респондент, «мы бедные, но такие же, как все». Этот лейтмотив достаточно последовательно повторялся многими при характеристике собственной бедности: «сейчас много бедных; у нас вообще весь дом живет в бедности»; «сейчас в России много бедных; большинство моих знакомых — военнослужащих — сильно пострадали в материальном отношении в последнее время; многие из них попали в бедственное положение, особенно те, у кого маленькие дети». Таким образом, факт бедности не ассоциировался у респондентов однозначно с эксклюзией. Бедность в их восприятии создавала опасность оказаться при определенных условиях в ситуации эксклюзии.

Среди основных форм эксклюзии респонденты отмечали недоступность качественного образования для детей, культурной жизни и социального участия, поддержания социальных контактов, в том числе с живущими в другом городе родственниками, невозможность планировать собственную жизнь, которая начинает катиться куда-то совершенно независимо от тебя, невозможность устроиться на работу, иметь нормальное жилье, обеспечить нормальный отдых ребенку, получить необходимую медицинскую помощь. Приведу лишь несколько высказываний, характеризующих восприятие респондентами бедности как эксклюзии:

«Люди моего окружения плохо питаются и одеваются, отказывают себе во многом; ухудшилось состояние здоровья, денег не хватает на лечение, образование детей...; эти люди не могут устроиться на работу, болеют; у всех по-разному, но многие не виноваты

в том, что не могут работать, им тяжелее всего»;

«Живешь в постоянном самоограничении, особенно тяжело понимать, что ты ничего не можешь дать ребенку — как следует кормить, одевать по сезону, устроить ему такие каникулы, чтобы он полностью отдохнул к школе»;

«Бедные сегодня те, кто не может обеспечить нормальную жизнь своим детям, дать им достойное образование»;

«За чертой бедности находятся семьи, в которых не хватает денег на еду, лекарства, необходимую одежду. Когда нет своего жилья. Я, например, не могу сделать своей дочери подарок — сводить ее в кино»;

«Бедность — это когда долги и проблемы сваливаются в такую кучу, откуда выхода уже не найти».

В этих высказываниях хорошо видны увязывание респондентами различных форм эксклюзии именно с определенным уровнем жизни, акцент на том психологическом состоянии безнадежности и бессилия что-то изменить, которое характеризовало испытывавших действительную исключенность, а также особо болезненное восприятие отсутствия доступа к качественному образованию, культурным формам проведения досуга, полноценному общению. Часто встречались жалобы на проблемы с работой, чувство одиночества, отсутствие необ-

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

ходимых для успешной интеграции связей, доступа к соответствующим социальным сетям поддержки.

Таким образом, при анализе интервью 1999 г. выявлены два обстоятельства. Во-первых, и это было самым важным, установлено наличие эксклюзии у вполне обычных на первый взгляд респондентов, имевших собственное жилье, прописку, и соответственно формально имевших доступ ко всем существовавшим в России механизмам социальной интеграции и защиты, включая бесплатное образование (в т. ч. высшее) и медицинскую помощь. Во-вторых, свое состояние эксклюзии они связывали прежде всего с собственным тяжелым материальным положением.

В ходе исследования была также решена проблема категориального аппарата социальной эксклюзии. Не останавливаясь на возникновении понятия «социальная эксклюзия» и основных его трактовках в литературе*, отмечу лишь обстоятельство, учитывающее исследования последних лет. В западной социологической традиции сложилось два подхода к социальной эксклюзии. Первый из них, трактующий социальную эксклюзию в широком смысле слова, рассматривает эксклюзию на макроуровне, с позиций общества. Этот подход сосредоточивается на отсутствии доступа к механизмам интеграции и делает акцент на том, кто имеет власть исключать и кого при этом исключают. Основным при таком подходе выступает понятие «дискриминация». Второй подход рассматривает социальную эксклюзию в узком смысле слова, на микроуровне, т. е. анализирует положение носителей социальной эксклюзии и сосредоточивается на том, в чем проявляется специфика жизненной ситуации членов этой группы по отношению к другим членам общества**. При всей важности понятия «дискриминация» для такого похода на первый план в этом случае все же выходит понятие «депривация». Под последней в соответствии с традицией,

* Наиболее четко и исчерпывающе ситуация с изучением социальной эксклюзии в западной социологической традиции и сущности самого этого явления, описана, на мой взгляд, в докладе П. Абрахамсона на 14-м Всемирном социологическом конгрессе в Монреале в 1998 г. [Abrahamson 1998]. Сокращенное, но весьма подробное изложение этого доклада на русском языке опубликовано в журнале «Общественные науки» (2001. № 2. С. 158—166). Эксклюзия определяется в нем, как особое состояние «выпадения» из мейнстрима, нахождение внизу и вне общества, возникающее в результате того, что: 1) индивиды находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных финансовых ресурсов и т. д.; 2) возможности индивидов получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения; 3) подобные ограничения длятся во времени.

** Отдельным теоретическим вопросом является при этом вопрос, кто служит носителем социальной эксклюзии — индивиды или домохозяйства. Как показывают наши исследования, исключенными могут быть и индивиды, и домохозяйства, но ответ на вопрос, что является первичным, а что вторичным, не был задачей наших исследований. Однако, судя по полученным данным, можно предположить, что длительная эксклюзия какого-то члена домохозяйства (которую само домохозяйство не может в силу особенностей находящихся в его распоряжении ресурсов скомпенсировать) в большинстве случаев ведет и к эксклюзии домохозяйства в целом. Учитывая, что это лишь вопрос времени, я сосредоточила внимание на эксклюзии домохозяйств, помня при этом, что само по себе явление эксклюзии несколько шире и включает в себя и социальную эксклюзию отдельных индивидов.

берущей начало с работ П. Таузенда, я подразумеваю тот конкретный набор лишений, те поддающиеся измерению реальные проявления неравенства в доступе к материальным и социальным благам, которые характеризуют положение бедных индивидов, семей или групп на фоне местного сообщества или общества в целом.

Надо сказать, что российские социологи эти два подхода при анализе проблем социальной эксклюзии, как правило, не разводят. Более того, как и их западные коллеги, они склонны смешивать явления дискриминации и (или) депривации и социальной эксклюзии. Социальная эксклюзия почти всегда отождествляется с отдельными формами дискриминации и депривации, прежде всего безработицей, а реальная проблема выпадения части домохозяйств из мейнстрима как некое системное качество жизни, несводимое к отдельным формам дискриминации, специфика жизни этих исключенных домохозяйств по отношению ко всем остальным, выделение характерных особенностей этой группы, т. е. явление социальной эксклюзии в узком смысле слова*, оказывается вне поля зрения тех, кто работает над этой проблемой в России. В результате, с одной стороны, под понятие социальной эксклюзии начинает подпадать чуть ли не большая половина общества, а с другой — из поля зрения исчезает группа, реально представляющая собой социально исключенных из современного российского общества, а не просто дискриминируемых по каким-то основаниям индивидов и домохозяйств.

В значительной степени такое положение с исследованием проблем социальной эксклюзии и в России, и за рубежом объективно обусловлено. Как признают все серьезные исследователи в этой области, эксклюзия в отличие от безработицы — это не состояние, а процесс, а *rigid* динамическая характеристика. Следовательно, достаточно уверенно зафиксировать принадлежность домохозяйств к числу исключенных, а не просто констатировать их дискриминацию по каким-то признакам можно только в ходе многолетних наблюдений за одними и теми же домохозяйствами. Такой тип исследований встречается в нашей социологической практике нечасто, и, кроме RLMS, который не ставит перед собой задачу анализа проблематики эксклюзии, сложно назвать исследование, где панель велась несколько лет подряд. Поэтому, отнюдь не претендуя на то, что сложнейшую проблему разграничения сущности таких явлений, как дискриминация, депривация и социальная эксклюзия, можно решить в рамках одной статьи, я все же хотела бы предложить вниманию читателя некоторые гипотезы об их взаимоотношениях, которыми я руководствовалась в своей работе и к которым меня подтолкнуло многолетнее наблюдение за бедными домохозяйствами, осуществлявшееся последовательно в рамках трех проектов с начала 1996 по июнь 2002 г. включительно**.

* Разумеется, речь идет не о достаточно многочисленных исследованиях «социального дна», а о вполне обычных на первый взгляд семьях. Как правило, они анализируются в российской социологической традиции через концепцию бедности или проблематику занятости, а не эксклюзии, хотя в сегодняшних условиях этого уже недостаточно.

** Речь идет об уже упоминавшихся выше лонгитудных исследованиях по проектам INTAS и Фонда им. Дж. и К. Макартуров, каждое из которых включало минимум по два опроса (соответственно 1996—1997 гг., 1999—2000—2001 гг. и 2001—2002 гг.). В качестве базового ядра служила панель домохозяйств, наблюдение за которыми велось весь этот

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Итак, представим себе общество как некое социальное пространство, в центре которого концентрируются члены общества, составляющие мейнстрим. Идеальный вариант применительно к условиям большей части России — молодой здоровый русский мужчина, проживающий в том же крупном или среднем городе, в котором он родился (рис. 1).

В следующем концентрическом круге вокруг ядра существуют те, кто по каким-либо причинам оказывается дискриминируемым в реализации определенных прав (например, инвалиды и просто люди с плохим здоровьем, мигранты, беженцы, представители некоторых национальностей, включая русских в национальных республиках, женщины с маленькими детьми, особенно матери-одиночки, и т. д.). Наконец, на периферии социального пространства находятся те, кто фактически уже растерял основную часть связей с обществом, понимаемым не как ближайшее окружение, а как социум в целом, куда индивид включен через сложнейшую систему социальных ролей. Именно эта часть социального пространства будет соответствовать принадлежности к группе «исключенных», наличию социальной эксклюзии в узком смысле слова*. Причем в последнюю категорию входят не только представители социального дна, но и лица, являющиеся объектами множественной дискриминации (крайний случай — многодетная мать-одиночка с плохим здоровьем, беженка из Северо-Кавказского региона, не имеющая родственников в месте своего нынешнего проживания). Сразу хотелось бы подчеркнуть, что примеры даны достаточно условно, и я не утверждаю, что представители соответствующих категорий на территории всей России являются объектом дискриминации.

Однако картина, изображенная на рис. 1, не просто схематична, но и не вполне соответствует реальности, так как не учитывает такого важнейшего фактора, как наличие у людей определенных ресурсов (финансовых и иных значимых для жизненной ситуации), способных в той или иной степени нейтрализовать влияние дискриминации. Так, наличие у беженцев достаточных средств для покупки жилья и оформления хотя бы временной прописки позволяет им не ощущать дискриминации в сфере их жилищных прав и значительно снижает уровень дискриминации в сфере доступа к работе, а высокая квалификация, востребованная в рыночном секторе экономики, и высокий уровень доходов у матери-одиночки позволяют ей иметь няню, которая снимает для нее проблему дискриминации в сфере занятости. Соответственно и распределение позиций в социальном пространстве с учетом фактора имеющихся ресурсов выглядит несколько иначе (рис. 2).

Посередине схематично представленного на рис. 2 социального пространства изображена линия медианного дохода (именно доход для подавляющего большинства членов общества является тем интегральным показателем, который не только выступает следствием занятия ими определенной социальной позиции, но и позволяет компенсировать те или иные формы дискриминации). Соответственно в части общества с доходами, ниже медианных, уже начинают фиксироваться явления депривации, приобретающие обвальный характер для тех, кто имеет доходы ниже половины медианных. При этом взаимоналожение

* От анализа проблематики социальной эксклюзии в широком смысле слова я при этом отвлекаюсь.

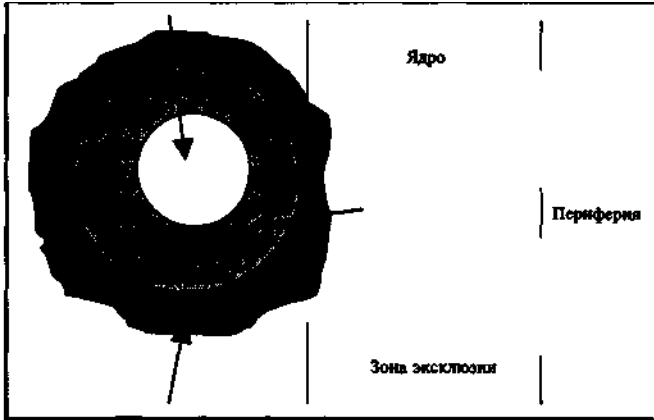

Рис. 1 **Модель распределения позиций в социальном пространстве общества**

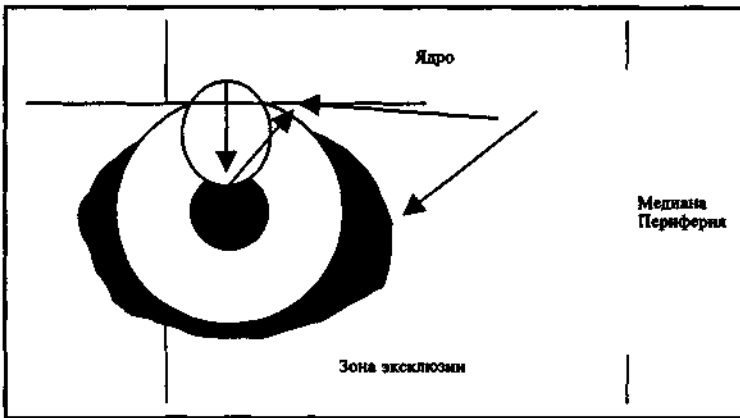

Рис. 2 **Модель распределения позиций в социальном пространстве общества с учетом фактора ресурсов**

для домохозяйств, имеющих доходы ниже медианных, явлений дискриминации и депривации означает резкое усиление риска попадания их в группу представителей социальной эксклюзии. Однако рост этого риска автоматически доказывает, что человек с доходом ниже медианных и даже половины медианных является социально исключенным: как мы покажем ниже, для этого нужны определенные дополнительные условия. Можно быть бедным, не будучи социально исключенным (на что, как говорилось выше, указывали и наши респонденты).

В то же время наличие доходов выше медианных позволяет компенсировать или ослабить последствия дискриминации с помощью альтернативных путей реализации прав и потребностей, пострадавших в результате дискриминации. При этом для компенсации множественной дискриминации (или дискриминации по различным основаниям) требуются очень серьезные ресурсы, а не просто чуть более высокие, нежели медианные, доходы. Тем самым определенный уровень дохода (как и наличие других ресурсов, например, сети «нужных» свя-

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

зей, в конечном счете также отражающихся на совокупном доходе) позволяет находить альтернативные общепринятым механизмы интеграции в общество и избегать социальной эксклюзии, даже когда явления дискриминации будут иметь место.

Таким образом, взаимоналожение депривации и дискриминации или уровень депривации выше некоторого определенного порога* приводят при определенных условиях к сползанию в группу риска или группу собственно исключенных. При этом, как уже отмечалось, часть дискриминируемых, имеющих достаточные ресурсы, избегает реальной эксклюзии и остается в мейнстриме. На рис. 2 это условно отражено через исчезновение несколько выше медианного дохода группы исключенных и появление утяжеленной нижней части социального поля, куда «сползла» основная часть дискриминируемых и где оказались и часть представителей мейнстрима, имеющих наиболее низкие доходы. «Шлейф» в низу рис. 2 изображает ту периферийную часть общества, которая представляет собой социальное дно. Сразу подчеркну, что рисунок схематичен и не показывает соотношения численности различных групп.

В то же время, и это надо оговорить специально, представители группы социально исключенных, по крайней мере в России, — отнюдь не андеркласс, а в значительной степени искусственно созданная социальная группа, которая возникла из-за стратегических просчетов, допущенных в ходе реализации экономических реформ, что привело к множественной дискриминации и длительной депривации достаточно квалифицированной и дееспособной части общества. Во всяком случае, этот вывод можно сделать, основываясь на результатах наших исследований.

Изложенная выше трактовка взаимоотношений дискриминации, депривации и социальной эксклюзии, на мой взгляд, позволяет развести социальную эксклюзию, с одной стороны, и дискриминацию и депривацию (как ее возможные причины) — с другой, совместить результаты анализа социальной эксклюзии в широком и узком смыслах слова, понять, как, накапливаясь, депривация и дискриминация порождают принадлежность к социальной группе отверженных, и почему концентрация нескольких оснований дискриминации в геометрической пропорции увеличивает риск эксклюзии.

После того как было зафиксировано наличие социальной эксклюзии в России и хотя бы в форме гипотезы определено соотношение ее с дискриминацией и депривацией, для более глубокого анализа сущности этого явления требовалось решить несколько самостоятельных исследовательских задач. Во-первых, необходимо было найти индикаторы, которые позволили бы выделить группу домохозяйств, испытывавших эксклюзию. Во-вторых, проанализировать ситуацию в домохозяйствах, выделенных с помощью этих индикаторов, чтобы вычленили характерные особенности этой группы домохозяйств, основные формы проявления эксклюзии на микроуровне. Далее нужно было определить, является ли эксклюзия (при всей индивидуализированности возникновения этого состояния) явлением случайным или же есть какие-то объективные факторы, резко увеличивающие риск оказаться исключенным. В-четвертых, выяснить, как соотносятся между собой эксклюзия и занятость, с одной стороны,

* Что именно представляет собой этот порог, будет показано ниже в п. 5.

и бедность и эксклюзия — с другой, и оценить примерные масштабы социальной эксклюзии в современном российском обществе. Рассмотрим каждую из этих проблем отдельно.

1. Индикаторы проявления социальной эксклюзии на микроуровне

Для выделения индикаторов эксклюзии я использовала 7 шкал, учитывавших, как наиболее часто называвшиеся в ходе интервью проявления дискриминации, так и классификации прав человека (уже выдвинутые в рамках международного дискурса по вопросам социальной эксклюзии), которые должны обеспечиваться обществом [Abrahamson 1998; Friedmann 1996; Gough 1994; Beyond the Threshold 1995; Da Costa 1995; De Haan 1998]. Учитывая российскую специфику, при разработке шкал социальной эксклюзии из предложенных ранее специалистами в этой области списков прав человека я не рассматривала:

профессиональную помощь при рождении (она доступна всем жительницам городов, имеющим прописку, а мы изучали именно городское население);

адекватное питание (оно недоступно большинству населения России: как показывают статистические данные, по большинству групп продуктов питания идет непрерывный рост от одной децильной группы к другой вплоть до 10-й группы с наибольшими располагаемыми ресурсами; исключение в 1999 г., когда мы проводили первый опрос в рамках исследования «Бедность и социальная эксклюзия в России...», составляли лишь картофель, сахар и кондитерские изделия, а также растительное масло и другие жиры, потребление которых прекращало свой рост начиная с 6-й децильной группы*);

политическое участие (в принципе оно доступно любому человеку, имеющему прописку, но потребность населения в нем, как показывают исследования РНИСиНП, ИКСИ РАН и других социологических центров, очень невелика);

достойную старость (согласно статистическим данным, вопреки широко распространенным представлениям о бедственном положении всех пенсионеров, только 22,2 % женщин и 18 % мужчин пенсионного возраста в 1999 г. имели доходы ниже величины прожиточного минимума [Социальное положение 2000, с. 183], что было ниже аналогичных показателей среди населения России в целом; кроме того, за последующие годы ситуация в этой области очень быстро улучшалась, и в 2000 г., в момент второго опроса в рамках исследования «Бедность и социальная эксклюзия в России...», средний размер начисленных пенсий увеличился по сравнению с предыдущим годом на 64,6 % [Социальное положение 2000, с. 209]). Это позволило считать, что хотя жизнь российских пенсионеров нельзя назвать достойной, но относительно других групп населения России, например семей с несовершеннолетними детьми, их права на помощь общества не ущемлены;

* См.: [Социальное положение 2000, с. 145]. При этом расходы на покупку продуктов питания превышали 50 % всех расходов на конечное потребление домохозяйств у пяти нижних децильных групп, с 6-й по 9-ю группу сокращались с 49,2 % до 46,4 % и лишь у 10-го дециля составляли 40,0 % [там же, с. 135].

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

ряд других прав (безопасное и здоровое жизненное пространство, условия труда, не наносящие вреда здоровью, безопасное детство и некоторые другие), детально замерить которые мы не имели возможности.

В результате набор использовавшихся шкал выглядел следующим образом:

1. Право на стабильную оплачиваемую работу (шкала «Работа»).
2. Право на необходимую медицинскую помощь в случае потребности в ней (шкала «Здоровье»).
3. Право на доступ к образованию и культуре (шкала «Образование и культура»).
4. Право на значимые отношения в первичной среде и включенность в комьюнити (шкала «Общение»).
5. Право на доступ к социальным сетям как к одному из основных, наряду с социальной политикой, механизму перераспределения ресурсов в России (шкала «Сети»).
6. Право на автономию, понимаемую как способность инициировать действие, формулируя цели и осуществляя целенаправленные действия для их достижения (шкала «Автономия»).
7. Право на адекватное жилище (шкала «Жилище»).

Сводный индекс «Эксклюзия» рассчитывался на основе суммирования показателей по всем шкалам. В 1999 г. показатели колебались в интервале 1-19 баллов, в 2000 г. в — 2—21 балла, в 2002 г. 1—20 баллов.

Добавим также, что анализ ответов респондентов (которые были идентифицированы нами как представители исключенных домохозяйств) на вопрос о наиболее беспокоящих их проблемах собственной жизни подтвердил значимость для этой группы нарушения именно тех прав, которые замерялись с помощью данных шкал. Особенно значимы были проблемы здоровья и автономии, далее по значимости шли проблемы доступа к социальным сетям и работе. Доступность образования и культуры, общения и наличия адекватного жилища были относительно менее значимы для группы в целом. В то же время для некоторых типов домохозяйств дискриминация от механизмов реализации соответствующих прав была очень значима, а напряженность соответствующих потребностей, их фрустрирующая роль очень высока. Так, дискриминация в сфере образования и культуры прежде всего ощутима для семей с несовершеннолетними детьми, неудовлетворенность потребности в отношениях в первичной среде — для так называемых новых бедных. Особо болезненно воспринимали жилищные проблемы мигранты и беженцы.

На основе анализа полученных данных (учитывались динамика изменения положения обследованных домохозяйств, их самооценка положения по отношению к окружающим, степень удовлетворенности собственной жизнью, специфика проблем, называемых в числе трех основных проблем собственной жизни и ряд других показателей) в качестве порогового для выделения домохозяйств, находящихся в пограничной зоне, зоне наступающей эксклюзии, я приняла границу в 9 баллов для 1999 г. и в 11 баллов — для 2000 г. Граница глубокой эксклюзии была определена в 14 баллов для 1999 г. и в 16 баллов — для 2000 г. Разумеется, граница устанавливалась в значительной степени условно, но она была необходима как рабочий инструмент анализа и впоследствии показала свою достаточно высокую эффективность и эвристическую способность.

При такой классификации в составе массива в 1999 г. оказалось 47 исключенных домохозяйств, а в 2000 г. — 57, причем 31 из них относилось к числу исключенных и в 1999 г.

Понять, как реально складывалась жизнь в этих домохозяйствах, помогут несколько достаточно типичных историй жизни семей с высоким уровнем индекса эксклюзии.

Глава семья Абухасан, 66 лет с высшим образованием, до 1986 г. работал в Чечне экономистом, а затем переехал в Москву. Здесь в первые годы после переезда работал начальником ревизионного отдела в мэрии. Поскольку его семья оставалась в Чечне, он, даже несмотря на довольно высокую должность, получил лишь однокомнатную квартиру. Во время первой чеченской войны, в 1995 г., он перевез жену с детьми в Москву, и его жилищные условия сразу резко ухудшились. Дальнейшие события — болезнь, уход с работы, начало занятий предпринимательством, на что ушли почти все имевшиеся сбережения, кризис 1998 г., после которого его фирма разорилась, превратили ранее вполне преуспевавшего человека в представителя неблагополучных слоев населения.

Приведем несколько выдержек из интервью с ним: «У беженцев сейчас основная проблема — безработица. Они все потеряли, не смогли ничего вывезти, все разграблено. Если бы возраст позволял, я бы заработал, но жена тоже не может устроиться на работу. Помощи со стороны государства никакой, только жилищная субсидия, мы перебиваемся, детям не хватает витаминов. Начинать приходится с нуля, для нас не созданы рабочие места. Если бы не война в Чечне, я бы отправил детей домой, там не такая дорогая жизнь. Помощи не дают. Надо рассчитывать только на себя, в том числе и в Чечне. Однако если там человек что-то попросит, ему всегда помогут, здесь же люди как волки, да и в Чечне сейчас бандиты. В любом месте России жить легче, чем в Москве, даже в Московской области. А здесь, если кому-то плохо, еще сильнее топчут. Никаких компенсаций за разрушенный дом... Детям надо дать возможность учиться, получать витамины, а обеспечить это не можем» (1999 г., индекс эксклюзии 13 баллов).

Не улучшилось положение Абухасана и год спустя. «2000 год — очень невезучий... Дети растут, денег требуется больше, поэтому сейчас стало труднее. Потребности увеличились на 30—40 %, в основном в связи с детьми и с моей болезнью. Очень много денег уходит на лекарства, лечение. Надежды на улучшение связаны только с детьми, лично мои перспективы вряд ли улучшатся. Я планировал, чтобы мои дети учились, им ума хватит, главное — здоровья хватило бы. Начнешь что-то делать, сделка намечается, а из-за болезни все срывается. В 1998 г. — кризис, мы очень много тогда потеряли... И сейчас власти все крадут, цены растут, а доллар стоит. Эта политика ясна — не мытьем, так катанием нас разорить. Все делается специально. Это прямой обман... Все, что удалось заработать за последний год от предпринимательства, мошенники украли. Сейчас приходится разбираться. Знаете, что такое разборки. Очень все это влияет на жизнь, нервное состояние. Из-за этого год неудачный» (показатель эксклюзии вырос до 17 баллов).

Полная семья беженцев из Тбилиси с ребенком, переехавшая во Владикавказ в 1993 г. после грузино-осетинского конфликта. Старший сын уехал на Украину работать в частном бизнесе родственников, имеющих несколько киосков.

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Жена респондента — безработная. В Тбилиси имели хорошую трехкомнатную квартиру, после их отъезда захваченную соседями. В момент опроса жили в общежитии завода, где респондент (49 лет, среднее образование) раньше работал газосварщиком, но после длительных невыплат зарплат ушел и стал безработным. Полное отсутствие любых стабильных источников дохода у домохозяйства. Респондент обращался за помощью в Службу занятости, искал работу, но безуспешно. Поиски работы осложнялись тем, что члены домохозяйства с трудом изъяснялись по-русски. Дома все говорили на грузинском и осетинском языках. Кроме того, у главы семьи в последние годы развилась тяжелая алкогольная зависимость.

В доме в момент опроса была полная нищета, обувь младшему сыну покупали соседи по общежитию. Отсутствовали телевизор и холодильник, не было денег на лекарства, семья по сути дела голодала. На первом этапе опрашивался глава семьи, на втором — его жена, так как из-за запоя глава семьи был недоступен. Показатели эксклюзии оставались стабильно высокими (12 баллов в 1999 г. и 17 баллов в 2000 г.). Цитата из интервью 1999 г.: «Большинство россиян, наверное, не знает, в каком положении находятся беженцы, которые остались без жилья, без работы, даже иногда без одежды... Считаю свою семью живущей за чертой бедности, так как нет денег, чтобы прокормиться нормально, купить детям одежду, чтобы им было не стыдно находиться перед сверстниками». Цитата из интервью 2000 г.: «Во время осетино-грузинской войны 1991 — 1992 гг. было еще хуже, чем теперь. Тогда же у меня был инсульт. До войны у нас все было нормально. Этот период (войны) тяжелый — потеря работы, квартиры в Тбилиси, после этого стало трудно».

Полная московская семья с пятью детьми, из которых в момент опроса в 1999 г. четверо были несовершеннолетними. Глава семьи Виктор — ведущий инженер одного из московских научно-исследовательских институтов. Его жена до 2001 г. сидела дома с детьми. Все члены семьи старше 18 лет, включая старшую дочь и ее мужа, либо имели высшее образование, либо являлись студентами на время опроса.

Вот как охарактеризовал Виктор ситуацию в 1999 г.: «Многие мои знакомые почти на черте бедности. Старые друзья, соседи, знакомые — все, с кем я встречаюсь... В двух словах бедность определить трудно, могу только сравнивать. Люди могут потреблять только необходимое, то, что нужно непосредственно для жизни. Поездка к родственникам за черту Москвы — это уже очень большой вопрос, связан с долгами. Раньше этого не было, хотя зарабатывал я меньше. Или лекарства: с недавних пор я пользуюсь льготами, но все равно мы не можем себе позволить купить лекарства даже при бесплатном лечении. Платных врачей (даже необходимых зубных) мы не можем посещать. У нас нет никаких сбережений, запасов, все уходит на жизнь. Каждое повышение цен сказывается на бюджете, отсюда и возникают многие заболевания. Младший ребенок болен, но я вынужден покупать продукты питания не те, которые требуются, а те, на которые хватает денег. Если я буду покупать то, что нужно, остальные будут голодать».

Положение семьи в 2000 г. Виктор оценил следующим образом: «По ощущениям, может быть, так же, но во всяком случае не лучше — это по поводу динамики материального положения. Были периоды, когда жили тяжелее, что

было связано с задержками зарплаты. А когда эти деньги, наконец, выплатили, они уже ничего не стоили, нас фактически обокрали. Сейчас чтобы выйти на прежний уровень жизни, надо увеличить доход семьи в три раза. Надежды на улучшение положения фактически нет, из категории многодетных мы выпадаем, потому что сыну будет 15 лет. Дай бог, чтобы дети, когда вырастут, себя обеспечивали. У меня нет никакой надежды» (индекс эксклюзии 17 баллов).

В 2002 г. положение семьи почти не изменилось. Хотя старшая дочь и ее муж и сумели устроить к тому времени свою жизнь вполне нормально, но они отделились от родителей в смысле ведения хозяйства, и это никак не улучшило жизнь остальных. Не улучшило ситуацию и то, что вторая дочь Виктора, хотя и мечтала о высшем образовании, но, понимая полную его недоступность при отсутствии средств, пошла работать в милицию в надежде впоследствии поступить в высшую школу милиции и получить-таки высшее юридическое образование. Не помогло семье и то, что жена Виктора стала работать кассиром в метро — инфляция и рост расходов на растущих детей, младший из которых был к тому же серьезно болен, быстро съедали все прибавки к бюджету семьи. «Я думаю, жить сложнее стало, — говорил Виктор в 2002 г. — Ну, какие доходы особые к нам прибывают? Какие-то долги в основном отрабатываются. Я не могу сказать, что трудоустройство жены существенно изменило материальное положение нашей семьи. Накопилось столько проблем, что пока ничего не получается».

Полная многодетная семья с восемью детьми из Владикавказа. Респондент Альберт — инвалид первой группы, получающий пенсию. Работает в домохозяйстве только жена — продавцом в продуктовом магазине при мечети. Живут в части дома без водопровода и канализации, на человека приходится менее 3 м². Стабильно высокие показатели эксклюзии. Бедными себя признавать отказываются и делают вид, что «все нормально». «Большинство знакомых живут лучше, чем мы... За чертой бедности — это пенсионеры; семьи с малолетними детьми (многие из таких семей). Наверное, есть многие, кто живет и похуже, победнее нас. В общем, бедными себя не чувствуем» (1999 г.). «Сейчас тяжёлые времена, но год назад было особенно трудно. Все дети учатся, а я на пенсии, инвалид. За год стало чуть лучше. Немножко прибавили пенсию (около 100 руб.), сын иногда подрабатывает».

В ходе опросов в 1999—2000 гг. были зафиксированы явные признаки эксклюзии. Среди этих домохозяйств были очень разные семьи: на первый взгляд вполне благополучные и абсолютно неблагополучные (с алкоголиками, кражами в семье, семейными драками), полные и неполные, небольшие и многочисленные, считающие себя бедными и старающиеся сохранить достоинство и продемонстрировать, что у них «все нормально», и они «не хуже людей»; домохозяйства, где главы семей занимают достаточно высокие должности или имеют ученые степени, и домохозяйства с низким образовательным уровнем глав семьи. Все эти столь разные семьи объединяло только одно — высокий уровень социальной эксклюзии. Даже из рассказанных выше историй видно, что опрошенные не надеются на изменение ситуации в ближайшем будущем.

Полнее понять то общее, что их всех объединяет, в чем проявляется специфика положения и мироощущения представителей исключенных домохозяйств, помогает количественный анализ формализованной части наших интервью.

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Конечно, попытки на выборке всего в 105 домохозяйств осветить эту проблему применительно к современному российскому обществу не претендуют на абсолютную достоверность. Однако, понимая невозможность переноса полученных цифр не только на российское общество, но даже на население Москвы, Воронежа и Владикавказа, я все же хотела бы привести их как достаточно яркую иллюстрацию некоторых особенностей группы социально исключенных в России.

2. Характерные особенности

группы социально исключенных

В процессе количественного анализа группы социально исключенных использовались два метода обработки числовых данных в программе SPSS. Один из них предполагал использование линейной регрессии в программе Chaid и был связан с выделением значимых корреляционных связей между всеми переменными массивов за оба года опросов (за 1999 и 2000 гг.) и показателями уровня эксклюзии в баллах. Второй метод предполагал анализ кросс-табуляций с использованием перекодированных показателей эксклюзии, согласно которым все домохозяйства были разделены на три группы: 1) не являющихся исключенными (до 9 баллов индекса эксклюзии в 1999 г. — 57 домохозяйств; до 11 баллов в 2000 г. — 42 домохозяйства); 2) исключенных (9—13 баллов в 1999 г. — 40 домохозяйств; 11 — 15 в 2000 г. — 37 домохозяйств); 3) представителей глубокой эксклюзии (14 и более баллов в 1999 г. — 7 домохозяйств; 16 и более баллов в 2000 г. — 20 домохозяйств).

Не имея здесь возможности остановиться на всех деталях проведенного анализа, отмечу лишь некоторые выявленные закономерности. Прежде всего остановлюсь на том, какие ответы на вопросы анкет оказались наиболее популярными именно у представителей исключенных домохозяйств. Как выяснилось при анализе полученного массива из 105 домохозяйств в программе Chaid, значимые корреляционные связи с наличием эксклюзии были обнаружены всего у 9 переменных. Три переменные были связаны с уровнем материального благосостояния (показатель сводного индекса материальной депривации, общая самооценка своего материального положения и самооценка материального положения домохозяйства по отношению к окружающим). Одна переменная (ссылка на то, что в семье никто не ищет работу, поскольку работа уже есть, и она их вполне устраивает, отсутствовавшая у группы исключенных) была связана с причинами попадания в группу исключенных, поэтому на ней я также остановлюсь несколько позже.

Итак, перечислим следующие пять переменных (в порядке убывания значимости корреляционных связей):

1. Динамика изменения положения домохозяйства за год наблюдений.
2. Отсутствие у домохозяйств чувства, что дела им в целом удаются (из сокращенной версии вопросника по здоровью [«General Health Questionnaire» (GHQ)], который уже много лет широко и успешно используется в качестве общенационального опросника в Великобритании и хорошо зарекомендовал себя в России).

3. Невозможность использовать платные образовательные, медицинские, оздоровительные услуги, туристические поездки в течение года перед опросом.
4. Часто испытываемое ощущение невозможности самому повлиять на происходящее.
5. Часто испытываемое ощущение несправедливости всего происходящего вокруг.

Учитывая, что фиксация значимости корреляционных связей при массиве всего в 105 единиц означает очень высокий уровень значимости этих переменных, остановлюсь на каждой из них несколько подробнее. Начну с динамики изменения положения домохозяйства за год наблюдений (табл. 1).

Как видно из табл. 1, в группе исключенных домохозяйств было заметно меньше тех, чье положение улучшилось по сравнению с представителями мейнстрима. В то же время нисходящая динамика была в большей степени характерна именно для исключенных домохозяйств, особенно для тех, у кого были наиболее высокие показатели индекса эксклюзии, и где положение ухудшилось у каждого третьего члена данной группы (при том, что в неисключенных домохозяйствах оно затронуло лишь каждого 20-го). Симптоматично также, что подавляющее большинство группы домохозяйств с эксклюзией или глубокой эксклюзией имело высокие показатели индекса материальной депривации уже не первый год.

Добавлю к этому, что социальная эксклюзия оказалась очень тесно связанной с динамикой как самой эксклюзии, так и с изменениями материального положения домохозяйств. Две трети всех домохозяйств, не испытывавших эксклюзии в 2000 г., не знали ее и в 1999 г. Большинство же группы с глубокой эксклюзией составляли те, у кого эксклюзия была зафиксирована и в 1999 г. И неслучайно, видимо, во многих интервью в исключенных домохозяйствах красной нитью проходила мысль о безысходности положения («Я сам понимаю, что буквально качусь куда-то в пропасть. Надеяться уже не на что», «Долги и проблемы сваливаются в такую кучу, что выхода уже не найти», «Такое ощущение, что выбраться нельзя»).

Ощущение невозможности изменить свое положение было тесно связано со следующей из наиболее статистически значимых характеристик — отсутствием чувства, что дела в целом удаются. Как видно из табл. 2, в семьях без эксклюзии чувствовали, что дела им удаются, 69 %, в исключенных домохозяйствах — уже менее половины, а в домохозяйствах с глубокой эксклюзией — только каждый 10-й.

Более того, постоянное ощущение невозможности самому повлиять на происходящее вообще было характерно только для группы с глубокой эксклюзией, в то время как остальные исключенные домохозяйства по этому показателю ничем не отличались от домохозяйств, не испытывавших эксклюзии. То же самое относилось и к часто испытываемому ощущению несправедливости всего происходящего вокруг, которое отметили 80 % домохозяйств с глубокой эксклюзией и чуть менее половины — в двух других группах. Не удивительно, что при этом подавленность, страх, отчаяние, озлобленность как доминирующие чувства, с которыми они провозжали уходящий 2000 г., в группе с глубокой эксклюзией испытывали более половины, просто с эксклюзией — четверть, а в обычных домохозяйствах — лишь 5 % семей.

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Таблица 1 **Динамика изменения положения домохозяйства за год наблюдений в домохозяйствах с разным уровнем эксклюзии (домохозяйств, %)***

Динамика депривации	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Положение стало лучше	18/43	5/14	2/10
Положение осталось стабильным	11/26	12/32	1/5
Положение осталось таким же плохим	11/26	16/43	11/55
Положение ухудшилось	2/5	4/11	6/30

* Индекс рассчитывался через сопоставление уровней индекса материальной депривации в 1999 и 2000 гг. О методике расчета индекса материальной депривации подробнее см.: [Давыдова 2001, с. 33—46].

Таблица 2 **Наличие чувства, что дела в целом удаются в домохозяйствах с разным уровнем эксклюзии, %**

В целом чувствовал, что дела удаются	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Нет	5	20	52
Скорее нет	26	36	37
Скорее да	48	36	И
Да	21	8	0

Следующей общей чертой, характеризующей основную массу исключенных домохозяйств, являлась невозможность использовать платные образовательные, медицинские, оздоровительные услуги, туристические поездки в течение года перед опросом. Около 70 % этой группы (этот показатель почти одинаков в обеих подгруппах исключенных домохозяйств) не имели такой возможности (у домохозяйств с низкими показателями индекса эксклюзии данный показатель составлял около 30 %). Добавим к этому, что более чем в трех четвертях исключенных домохозяйств никто из их членов в течение последних трех месяцев перед опросом не посещал спортивных или иных клубов и секций, театров, музеев, выставок, концертов, дискотек, кафе, ресторанов, а также не имел никаких иных внедомашних форм досуговой активности. Причем в группе с глубокой эксклюзией не было ни одного домохозяйства, которое практиковало бы любую из этих форм активности.

Что касается часто испытываемого ощущения невозможности самому повлиять на происходящее, то оно, напротив, было характерно только для группы с глубокой эксклюзией, в то время как остальные исключенные домохозяйства ничем не отличались по этому показателю от домохозяйств, не испытывавших эксклюзии. То же самое относилось и к часто испытываемому ощущению несправедливости всего происходящего вокруг (табл. 3).

Более полный анализ массива на кросс-табуляциях позволил выявить еще несколько очень значимых характерных особенностей данной группы. Во-пер-

Таблица 3 Наличие чувства, что дела в целом удаются в домохозяйствах с разным уровнем эксклюзии, %

Ощущал невозможность самому повлиять на происходящее	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Часто	44	46	80
Иногда	39	38	15
Никогда	17	16	5
Ощущал несправедливость всего происходящего вокруг	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Часто	45	49	80
Иногда	43	46	15
Никогда	12	5	5

вых, с принадлежность к группе исключенных оказался тесно связанным ответ на вопрос о том, может ли домохозяйство позволить себе оплату дополнительных занятий детей в кружках, секциях или частным образом. Из 47 исключенных домохозяйств, в составе которых были несовершеннолетние дети, 28 ответили, что не могут себе этого позволить, 12 сказали, что им это не нужно, в 5 домохозяйствах детям предоставляли такую возможность лишь изредка, и только в 2-х домохозяйствах дети регулярно занимались дополнительно. Добавим к этому невозможность приобретения даже самых необходимых школьных принадлежностей для детей — только 14 из всех домохозяйств в этой группе могли позволить себе это.

Во-вторых, исключенные домохозяйства почти не имели возможности подписываться или регулярно приобретать газеты, журналы и книги. Это оказался вообще один из самых характерных признаков группы исключенных. Как видно из табл. 4, члены 38 из 57 исключенных домохозяйств совсем не могли приобретать периодические издания, хотя и испытывали такую потребность, еще в 7 домохозяйствах могли это себе позволить только изредка и лишь в 5 семьях, т. е. менее чем в 10 % всех исключенных домохозяйств, делали это регулярно.

В-третьих, для половины всех исключенных домохозяйств был недоступен такой важнейший в российских условиях канал интеграции, как хождение в гости и прием гостей. В силу неразвитости в России традиции посещения ресторанов, кафе именно общение во время походов в гости является важнейшей формой поддержания значимых отношений в первичной среде и поддержания в рабочем состоянии неформальных сетей, «связей». Недоступность использования этого социального института в повседневной практике неизбежно обрекает семью на всеускоряющееся углубление эксклюзии. Девизом этого состояния мог бы без преувеличения стать «Оставь надежду всяк сюда входящий» (табл. 4).

Из табл. 4 хорошо видна характерная особенность тех, кто попал по нашей классификации в группу исключенных домохозяйств. В основном это те домохозяйства, которые раньше были включены в мейнстрим, но в результате событий последних лет выпали из него и очень болезненно это переживают. Уже

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Таблица 4 **Возможность различных форм культурного потребления и социального участия в домохозяйствах с разным уровнем эксклюзии (домохозяйства, %)**

Самооценка доступности подписки или регулярного приобретения газет, журналов, книг	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Раньше я тратил на это деньги, но сейчас не могу себе этого позволить	9/21	23/64	15/75
Я могу это позволить себе только иногда, по мере острой необходимости	10/24	5/14	2/10
Регулярно позволяю себе тратить на это деньги	10/24	3/8	2/10
Не трачу на это денег потому, что мне это не нужно	13/31	5/14	1/5
Самооценка доступности посещения театров, музеев, других учреждений культуры и развлекательных мероприятий	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Раньше я тратил на это деньги, но сейчас не могу себе этого позволить	9/21	19/53	15/75
Я себе могу это позволить только иногда, по мере острой необходимости	16/38	8/22	3/15
Регулярно позволяю себе тратить на это деньги	3/7	0	1/5
Не трачу на это денег потому, что мне это не нужно	14/33	9/25	1/5
Самооценка доступности выхода в гости	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Раньше я тратил на это деньги, но сейчас не могу себе этого позволить	4/10	6/17	10/50
Я могу это позволить себе только иногда, по мере острой необходимости	21/50	28/77	10/50
Регулярно позволяю себе тратить на это деньги		2/6	0
Не трачу на это денег потому, что мне это не нужно	4/10	0	0
Самооценка доступности приглашения гостей	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Раньше я тратил на это деньги, но сейчас не могу себе этого позволить	11/26	18/52	10/50
Я могу это себе позволить только иногда, по мере острой необходимости	19/45	13/37	10/50
Регулярно позволяю себе тратить на это деньги	8/19	0	0
Не трачу на это денег потому, что мне это не нужно	4/10	4/11	

одного этого достаточно, чтобы говорить о неприменимости концепции андер-класса к основной массе социально исключенных. Неслучайно 75 % в группе с глубокой эксклюзией при ответах на оба вопроса отметили, что раньше покупали периодические издания и посещали различные мероприятия, но теперь не могут подобное себе позволить. Это подтверждается и тем, что при ответе на вопрос о причинах их нынешнего положения только 5 домохозяйств из 57 исключенных ответили, что всегда так жили.

Итак, ряд лидирующих по значимости именно для этой группы позиций анкеты был связан с утратой важнейших характеристик социальной включенности, интегрированности в социальную жизнь, и это является своеобразным подтверждением того, что группа исключенных была выделена правильно.

С невозможностью поддерживать общепринятые формы социального участия, жить, «как все», связаны и другие характерные высказывания представителей данной группы. Так, только 9 домохозяйствах из 57 исключенных могли себе позволить хотя бы изредка посещать далеко живущих родственников (в 10 не ощущали в этом необходимости).

Лишь 26 из 57 исключенных домохозяйств могли отремонтировать или заменить сломавшуюся бытовую технику (телевизор — главный поставщик информации о жизни общества в условиях недоступности всех остальных каналов ее получения — и холодильника и только изредка (как отмечал один из респондентов, «вся техника дома вышла из строя: стиральная машина, холодильник, а нового не купишь — накопления украли») (имелась в виду либерализация цен в 1992 г., когда все накопления населения обесценились).

Позиция «стал тратить больше времени на привычные дела» из вопросника GHQ свидетельствует о нарушении автономии: более половины представителей исключенных домохозяйств согласились с этим суждением, причем в группе с глубокой эксклюзией показатель составил три четверти всей группы; для сравнения — в группе домохозяйств, не идентифицированных нами как исключенные, с этой позицией согласились менее трети группы.

Хотелось бы отметить еще некоторые позиции, характерные для исключенных домохозяйств. Представителей этой группы отличали, судя по ответам на GHQ, гораздо худшие показатели здоровья (табл. 5).

Судя по табл. 5, две трети представителей опрошенных исключенных домохозяйств имели суммарный балл по этому вопроснику от 31* и выше. При этом

* В Великобритании в качестве условной границы между нормой и болезнью принимается показатель в 23—24 балла из 84-х возможных. Однако в нашем массиве при такой интерпретации подавляющее большинство опрошенных не могли считаться здоровыми. Как видно из табл. 5, даже среди опрошенных представителей неисклученных домохозяйств только 36 % относились к числу здоровых, а 64 % имели показатели, соответствовавшие отклонению от нормы. Сходные показатели я получила и в двух других исследованиях, проводимых с использованием этого вопросника. Поэтому я предположила, что в российской культуре с ее готовностью жаловаться на жизнь вообще и здоровье в частности эта граница несколько смещена. Сопоставление общих самооценок респондентами своего здоровья и показателей GHQ привело меня к выводу о целесообразности использовать в качестве такой границы в России показатель в 31 балл и выше, хотя в табл. 5 в целях возможного сопоставления приведена и разбивка, соответствующая принятой самими разработчиками GHQ. Добавлю, что оценки своего здоровья, как

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Таблица 5 Показатели здоровья членов обследованных домохозяйств, %

Общее количество баллов из 84-х возможных	Неисключенные бедные домохозяйства (n = 42)	Исключенные домохозяйства (n = 37)	Домохозяйства с глубокой эксклюзией (n = 20)
1-24	36	11	20
25-30	27	18	15
31-35	11	29	0
36-40	5	8	5
41-45	10	18	15
Более 45	11	16	45
Баллы по шкале физического здоровья			
1-6	45	22	30
7-14	45	62	45
15-21	10	16	25
Баллы по шкале «тревожность—бессонница»			
1-6	38	30	20
7-14	55	32	35
15-21	7	38	45
Баллы по шкале социальной дисфункции			
1-6	33	16	5
7-14	75	78	85
15-21	2	6	10
Баллы по шкале серьезной депрессии			
1-6	71	46	35
7-14	29	51	65
15-21	0	3	0

у 60 % в группе с глубокой эксклюзией этот показатель составлял 41 балл и выше. Аналогичные показатели у опрошенных представителей не страдавших от эксклюзии домохозяйств составляли соответственно 37 % и 21 %. Наиболее серьезные отклонения наблюдались у представителей группы исключенных домохозяйств по шкале «тревожность—бессонница» — около 40 % их имели по

слабого, начинались в массиве в том случае, когда сводный балл здоровья по GHQ составлял не менее 30, а как очень слабого — с 45 баллов. Абсолютно все, кто оценил состояние своего здоровья как «вполне здоров», имели не более 24 баллов, а среди тех, кто оценил его как удовлетворительное, более трети имели балл до 24, почти треть — от 25 до 30 и последняя треть — от 33 до 60 баллов по GHQ. Таким образом, если самооценки здоровья как слабого и хорошего имели под собой реальные основания, то самооценка его как удовлетворительного абсолютно ни о чем не говорила.

этой шкале 15 и более баллов из 21 возможного, в то время как в группе представителей домохозяйств, не страдавших от эксклюзии, данный показатель составлял всего 7 %.

В качестве причин неустроенности собственной жизни представители исключенных домохозяйств гораздо чаще остальных называли плохое здоровье кого-либо из членов семьи, отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности (причем в группе с глубокой эксклюзией на это жаловались 75 % при 26 % в группе обычных домохозяйств), отсутствие внимания со стороны других людей и одиночество, отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями.

Кроме того, представители опрошенных исключенных домохозяйств имели заметно худшие жилищные условия. Как «плохие» характеризовали их две трети представителей группы с высокими показателями индекса социальной эксклюзии. Действительно, почти половина группы имели менее 10 м² общей площади на человека и ни одного — 20 м² и более. При этом более трети группы не имели собственного жилья и жили в общежитии или снимали площадь. В то же время в группе с низкими показателями индекса социальной эксклюзии в нашей выборке бедных домохозяйств более 90 % имели 15 м² и более общей площади на человека, причем свыше трети — более 20 м², и почти все проживали в отдельных квартирах.

Добавим к этому, что члены исключенных домохозяйств несколько чаще, чем остальные, сталкивались с противоправными действиями — кражами, драками и т. п. Только половина исключенных домохозяйств за два года, предшествовавших первому опросу, не имела подобного рода неприятных происшествий (в остальных домохозяйствах этот показатель составлял две трети).

Наконец, в отличие от остальных домохозяйств, половина представителей которых полагали, что многие бедные любят жаловаться на свое бедственное положение и даже преувеличивают степень собственной бедности, три четверти представителей исключенных домохозяйств, напротив, были убеждены, что люди, как правило, стесняются бедности, скрывают ее и хотят показать всем, что у них все нормально.

Таким образом, проведенный в дополнение к качественному количественный анализ также показал, что мы имеем дело с группой исключенных домохозяйств. В числе основных форм проявления эксклюзии в обследованных домохозяйствах выступали невозможность реализации не только определенных стандартов материального потребления, но и отсутствие доступа к основным для России формам социального участия — регулярному приобретению изданий периодической печати, посещению учреждений культуры и развлекательных мероприятий, общению с гостями, далеко живущими родственниками, а также невозможность обеспечить детям не только какие-либо дополнительные занятия, но даже полноценное обучение в школе, отсутствие возможности получить необходимое лечение. Все это сопровождалось пониманием невозможности изменить собственную жизнь, постоянным чувством несправедливости происходящего, озлобленностью, подавленностью, страхом и отчаянием, стыдом за собственное положение.

Следует подчеркнуть, что эксклюзия постепенно захватывала все больше людей, еще несколько лет назад вполне благополучных, постепенно уменьшая

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

шансы домохозяйства на решение стоящих перед ним проблем. В наиболее неблагоприятном положении оказывались домохозяйства с глубокой эксклюзией, для которых возвращение к нормальной жизни было почти исключено.

3. «Факторы риска» и развитие социальной эксклюзии

Проведенное лонгитюдное обследование домохозяйств, рассмотрение проблемы рисков эксклюзии позволяют предположить, что в основе трудностей исключенных домохозяйств лежит не столько принадлежность к какой-то традиционной социальной группе, сколько отсутствие доступа к эффективным социальным механизмам решения накопившихся проблем, будь то доступ к социальным сетям, стабильно и адекватно оплачиваемой работе, эффективной социальной поддержке со стороны государства, квалифицированной юридической помощи. Причины создавшегося в каждой из семей положения индивидуальны и, как правило, не сводятся к одной причине, представляя собой комплекс самых разнообразных сочетаний.

Анализ причин, вызывающих эксклюзию, позволил вычленить признаки домохозяйства, вследствие которых риск эксклюзии резко возрастает. К ним относятся:

- инвалидность или тяжелое заболевание кого-то из членов домохозяйства, особенно мужчин трудоспособного возраста (достаточно многочисленные случаи в нашем массиве). Состояние здоровья членов семьи как один из важнейших факторов попадания в число исключенных полностью подтвердил и количественный анализ. Достаточно сказать, что среди причин, приведших к их нынешнему положению, 36 % представителей всей группы исключенных назвали болезнь или инвалидность одного из членов семьи. Кроме того, в 1999 г. 34 % исключенных домохозяйств имели нетрудоспособных инвалидов или лежачих больных, причем в домохозяйствах с глубокой эксклюзией таких было более чем в половине семей; исключенность из сетей взаимопомощи («Мы всю жизнь бедные. Нам просто не везет, фамилия наша невезучая. Ведь те, у кого нет помощи, те и бедные, а у нас нет родственников»; «У нас так сложилась жизнь, у меня друзей совсем нет. Я живу матерью и Иисусом Христом»). Не получали помощь 14 % обычных домохозяйств и около 40 % в обеих группах исключенных. При этом наиболее распространена простая хозяйственно-бытовая поддержка*. Доступность такой помощи также зависела от глубины эксклюзии: только каждому пятому домохозяйству из пограничной группы пришлось просить об оказании помощи как об одолжении, почти двум третям этой группы ее еще просто предлагали. В то же время почти половине домохозяйств с глубокой эксклюзией из числа всех получавших помощь домохозяйств этой группы пришлось просить о ней как об одолжении, «выпрашивать» ее. Добавим к этому, что представители группы с глубокой эксклюзи-

* Подробнее о различных формах помощи в рамках неформальных сетей см.: [Давыдова 2002].

ей гораздо реже остальных получали различные трансферты от городской или районной администрации, по месту работы кого-то из членов семьи, помощь благотворительных фондов, помощь деньгами, продовольствием, одеждой от родственников и друзей (почти половина всех домохозяйств с глубокой эксклюзией в 2000 г. никогда не получали этих видов помощи, при том что для обычных домохозяйств и домохозяйств из «серой зоны» этот показатель составлял 27—28 %);

- тесно связанная с дефицитом ресурса социальных сетей миграция последних лет (это наиболее характерно для Владикавказа). В особенно тяжелом положении оказались беженцы, для которых исключенность из социальных сетей по новому месту жительства сопровождалась отсутствием всякого экономического ресурса (так же, как и у некоторых мигрантов, особенно с севера, приехавших с деньгами, но ограбленных после приезда. Это очень распространенная ситуация даже в нашем небольшом массиве встретила несколько раз). Все беженцы попали в нашем исследовании в категорию исключенных, несмотря на различия в их материальном положении, уровне образования и наличии у них прописки (колоссальное преимущество, отсутствующее у основной массы беженцев в России);
- разорение в результате занятий предпринимательством совершенно не подготовленных к этому людей (к нашему удивлению, даже в таком небольшом массиве, как наш, имели место три таких случая — по одному в каждом городе, где проходил опрос, не считая самозанятых, которые также в нескольких случаях вынуждены были прекратить свои заработки*). На многочисленность таких случаев указывали и наши респонденты, причем даже те, кто не был сам связан с бизнесом («Друзья живут хуже и хуже. Начали заниматься предпринимательством, потом разорились»).

Как правило, эти факты были обусловлены сильной криминализацией российского микробизнеса, социальной и правовой незащищенностью микропредпринимателей даже в большей мере, чем нестабильностью российской экономики. В нашем массиве микробизнес наиболее широко был распространен в нерусской среде (из трех разорившихся предпринимателей один был русский, второй — чеченец, третий — осетин). Показатель самозанятости в осетинской подвыборке Владикавказа составлял 30 % при 7 % — у русских.

Типичная причина краха микробизнеса — та или иная форма ограбления (от присвоения денег партнерами по бизнесу до прямой их кражи). Так, у Солпана Ц. из Владикавказа, украли автомашину, на который он работал таксистом, и потребовали за нее выкуп. В 1999 г. он говорил в интервью: «Сейчас пытаюсь вернуть машину (знаю, где она находится), но требуют слишком много денег. Пока беру товары у оптовиков, стою на базаре реализатором. Но ничего не продается. Еще пару месяцев вот так, и я нищий». Машину ему вернуть не удалось, и к 2000 г. действительно заметно снизился и без того невысокий жизненный уровень его семьи, а домохозяйство попало в число исключенных.

* Применительно к российским условиям очень эффективной оказалась идея L. Wacquant о том, что сегодняшние маргиналы вынуждены опираться на «индивидуальные стратегии самообеспечения, теневую занятость, подпольную коммерцию и квазиинституционализированные пробивные способности, что едва ли облегчает их ненадежное положение» [Wacquant 1996, p. 127].

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

- большое число иждивенцев, которое может быть связано с многодетностью, разводом в семьях с двумя и более несовершеннолетними детьми, смертью кормильца в таких семьях или рождением детей вне брака, особенно если этих детей несколько*. Так, из 29 домохозяйств с одним родителем и одним-двумя несовершеннолетними детьми в 2000 г. 17 домохозяйств были исключенными, причем в 6 домохозяйствах индекс социальной эксклюзии был очень высоким. Из 19 многодетных семей 10 относились к числу исключенных, в том числе 4 имели глубокую эксклюзию. Однако тот факт, что семья была обычной полной семьей с одним-двумя несовершеннолетними детьми, отнюдь не гарантировал от эксклюзии: 19 из 32 таких домохозяйств, участвовавших в опросе, относились к разряду исключенных.

Пол, роль которого как фактора эксклюзии проверялась в ходе исследования специально, применительно к условиям бедных городских семей России не продемонстрировал значимой связи с эксклюзией при количественном анализе полученных данных. Как правило, эксклюзия характеризовала все домохозяйство в целом, и при кейстади с опросом и мужа, и жены показатели эксклюзии у них почти совпадали. Ни разу не отмечали пол как причину проблем и сами респонденты, хотя ссылки на пол как причину недоступности хорошей работы все же изредка встречались. Так, отвечая в 1999 г. на вопрос анкеты об основных причинах, ограничивающих получение ими хорошей работы, пол назвали всего две респондентки из домохозяйств, определенных нами как исключенные. Подчеркнем также, что на обоих этапах опроса доля женщин (глав исключенных домохозяйств) соответствовала ситуации в обычных домохозяйствах. Причем в группе с глубокой эксклюзией доля домохозяйств, возглавлявшихся мужчинами, была даже выше, чем в среднем. Отмечу также, что, как правило, показатели эксклюзии у мужа и жены совпадали с точностью до 1—2 баллов за исключением случаев безработицы кого-либо из супругов. В последнем случае показатель эксклюзии у безработного супруга был выше. Впрочем, в одном случае эксклюзия имела все-таки тендерный аспект: если женщины с плохим здоровьем были вынуждены из-за пьянства мужа выходить на работу (которая, как правило, относилась к разряду «грязных», «непрестижных» и малооплачиваемых) и принимать на себя роль основного кормильца в семьях, то показатели эксклюзии у них были столь же высокими, как и у безработных женщин с плохим здоровьем. Видимо, тот тип занятости, который был им

* Именно эти группы и по данным Госкомстата РФ имеют наибольшую вероятность попасть в группу с наиболее низкими жизненными стандартами. Так, если в 1999 г. среднее по стране соотношение среднедушевых располагаемых ресурсов и величины прожиточного минимума составляло 128,9 %, то в группе домохозяйств, состоящих из пяти и более человек, всего 88,2 %. В домохозяйствах с двумя детьми этот показатель по России в целом составлял 99,1 %, с тремя детьми — 71,1 %, с четырьмя и более детьми — 47 % (См.: [Социальное положение и уровень жизни 2000, с. 163]. Дети вообще резко повышали риск оказаться неимущим — в составе всех домохозяйств с детьми домохозяйства, жившие в 1999 г. за официально установленной в РФ чертой бедности, составляли 57,6 %, в том числе с 3 и более детьми — 78,3 % всех таких домохозяйств. Для пенсионеров в 1999 г. этот показатель составлял 26,7 %, и с тех пор неуклонно снижался.

доступен, не спасал от эксклюзии, хотя формально они имели стабильную работу. В итоге во многих семьях с пьющим мужчиной показатель эксклюзии у работающей жены оказывался даже выше, чем у ее безработного мужа, имевшего личный мейнстрим, в который он и был успешно интегрирован.

В то же время необходимо еще раз подчеркнуть, что ни один из перечисленных выше факторов риска (за исключением, может быть, положения беженцев из районов национальных конфликтов) не может сам по себе рассматриваться как причина эксклюзии и не предопределяет достаточно жестко попадание домохозяйств в число исключенных. Даже многодетность, безусловно снижающая уровень жизни, совсем не обязательно означала социальную эксклюзию, примеры чего встречались и в нашей выборке. К социальной эксклюзии скорее вело взаимоналожение нескольких из этих факторов риска, своеобразный эффект синергетизма: каждый из них, взаимодействуя с другими, резко увеличивал свое негативное воздействие. Если ресурсы сетей или какие-либо другие ресурсы (к сожалению, ощутимых результатов адресной помощи со стороны социальной политики государства или местных властей мы в своем исследовании не зафиксировали) помогли нейтрализовать один из совместно действующих факторов, то эксклюзии не возникало.

Например, единственный разорившийся русский предприниматель в нашей выборке имел семью с тремя детьми-школьниками и неработающей женой. В 1999 г. перед опросом у него возникли серьезные проблемы с ведением бизнеса, и ситуация в семье, по словам его жены Елены, была достаточно сложной. «Сейчас мне приходится экономить буквально на всем — самой шить, вязать, стричь, покупать продукты и лекарства самые дешевые», — говорила она. За год между опросами ситуация не нормализовалась, и, как сказала Елена, в семье в момент второго опроса был самый трудный период. «Это не связано ни с какими конкретными событиями, просто уровень доходов мужа невелик, в семье трое детей, и проблемы увеличиваются, как снежный ком. Дети растут, и наступил такой период, что денег на них тратится очень много. С момента первой встречи ситуация не изменилась, а может быть, даже и усложнилась». Тем не менее ни на первом, ни на втором этапе исследования эту семью нельзя было отнести к исключенным, как, впрочем, и к действительно бедным. За счет старых связей после краха своего дела глава семьи нашел работу заместителя начальника ремонтно-строительного управления в Воронеже, что, хотя и приносило меньший доход, чем собственное дело, все же относилось к числу достаточно хорошо и стабильно оплачиваемых работ, не говоря уже про связанный с этой должностью высокий социальный статус.

Совсем иначе сложилась ситуация у многодетного осетинского предпринимателя из Владикавказа, когда отсутствие соответствующего ресурса социальных сетей привело домохозяйство после краха собственного дела главы семьи не только к нищете, но и к социальной эксклюзии.

Следующая проблема, на которую обращают внимание многие специалисты по социальной эксклюзии [Da Costa 1995; Abramson 1998], это длительность, обязательная временная протяженность эксклюзии. Домохозяйства страдают от социальной эксклюзии не только тогда, когда находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых ресурсов или когда их шансы получить доступ к основным соци-

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

альным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения. Сложность положения домохозяйств, терпящих лишения, во многом обостряется тем, что подобные ограничения длятся во времени.

Как показало наше исследование, можно говорить не просто о длительности ограничений как важнейшем сущностном признаке эксклюзии, но об эффекте накопления во времени результатов воздействия факторов риска. Одновременное воздействие даже нескольких факторов риска не сразу приводит к эксклюзии. Есть определенный временной лаг, когда семья находится как бы в пограничном состоянии. Это пограничное состояние, «серая зона», в нашем исследовании соответствовало первому уровню эксклюзии. На этом этапе домохозяйство объективно уже начинает отличаться от остальных. Но субъективно оно еще не ощущает себя исключенным, маргинализация еще не начинается или идет очень медленно. Семья сохраняет возможность при удачном стечении обстоятельств, например за счет мобилизации тех или иных ресурсов или изменения внешней ситуации (скажем, получения наследства, появления «спонсора, который помогает деньгами»), предотвратить или замедлить углубление эксклюзии, а иногда и обеспечить возвращение в мейнстрим.

Пребывание в «серой зоне», предшествующее глубокой эксклюзии, судя по данным нашего исследования, достаточно длительно (5—7 лет). Во всяком случае, большинство респондентов из домохозяйств с высоким уровнем индекса эксклюзии в опросе 2000 г. при ответе на вопрос, наиболее трудные ли сейчас времена для их семьи, отвечали, что самые тяжелые в материальном плане времена уже позади, и называли, как правило, 1993—1996 гг. («трудно сказать, что сейчас труднее, чем когда-либо. Все началось через 2—3 года после перестройки, и с каждым годом хуже»; «Мы всегда жили трудно, но постепенно положение ухудшалось, особенно где-то с 1994—1996 гг.»; «Трудно сказать, что сейчас хуже, куда еще хуже? Ухудшаться начало в связи с реформами в стране... Таким же и осталось. Надежд никаких нет»; «Материально не то слово, как трудно, но было и тяжелее в 1993—1995 гг. — самые трудные, невыносимые времена, переход от одного к другому»).

Грань между «серой зоной», лежащей между мейнстримом и собственно исключенными, и «чертой дырой» эксклюзии удачно сформулировал в интервью один из наших респондентов: «Сложностей и раньше было много, но если раньше такие периоды были эпизодами — можно было выбраться, то сейчас складывается ощущение, что выбраться уже нельзя». Об этом же, увязывая эту грань с разделением на «просто бедных» и тех, кто уже «за чертой бедности», говорили и другие респонденты (за чертой бедности «те, кто завяз в материальной нужде и у кого нет каких-либо возможностей выбраться»; «у кого есть энергия выживания, тот не окажется за чертой бедности»; «когда все хорошо, люди улыбаются, а сейчас улыбок нет. В глазах этих людей нет огонька»; за чертой бедности «те, у кого грустные глаза»).

Кроме того, судя по показателям субъективной самооценки динамики уровня материального благосостояния, глубокая эксклюзия имеет тенденцию как бы накапливаться до определенного порога, совсем не осознаваясь либо осознаваясь лишь частично. Но в какой-то момент происходит скачок, и семья вдруг осознает, что их ситуация не временные проблемы, а переход к качественно

иному образу жизни. Осознание это приходит с некоторым запозданием, что обуславливает расхождение динамики материального положения и показателей эксклюзии.

Возникновение ощущения безысходности, чувства, что выбраться из этого состояния уже невозможно, характеризующего именно состояние глубокой эксклюзии, часто (но не обязательно) связано с обострением и раньше существовавших жизненных проблем. В числе таких проблем могут быть ситуации с жильем, с требованием работодателя уйти на пенсию по возрасту, когда «дети еще не встали на ноги», и т. д. Все эти ситуации, приводившие к резкому всплеску показателей эксклюзии у наших респондентов, причем далеко не самых бедных, свидетельствовали об одном — о наличии разрыва между реальным попаданием в число исключенных и осознанием этого факта, т. е. между объективной социальной эксклюзией и артикулированием ее характерных признаков как насущных проблем домохозяйства. Естественно, что наличие такого разрыва очень затрудняет любые попытки эмпирически замерить эксклюзию, выделить соответствующую группу домохозяйств. При этом я убеждена, что сложность вычленения и измерения эксклюзии не связана с неразработанностью инструментария ее анализа или индикаторов, а носит принципиально неизбежный характер. В отличие от бедности, жестко фиксируемой в любой момент, эксклюзия является динамической характеристикой и с высокой степенью достоверности может фиксироваться только через лонгитюдные наблюдения, причем многолетние, хотя очень приблизительные ее оценки можно построить на основе различных сложных индексов.

Так, в нашем исследовании многие вполне благополучные в дореформенное время домохозяйства, судя по уровню материального благосостояния, особенностям испытываемых лишений, социально-демографическим типам, характеру занятости трудоспособных членов, должны были дать высокие показатели индекса социальной эксклюзии еще в 1999 г. Однако этого не произошло, и в составе исключенных домохозяйств заметно доминировали домохозяйства со вполне традиционными факторами риска — бедностью, девиантным поведением, многодетностью, наличием инвалидов и лежащих больных и т. п.

В 2000 г., как мы уже говорили выше, численность выделенных на основе показателей индекса эксклюзии домохозяйств, несмотря на большую жесткость наших критериев при их отборе, заметно возросла, хотя у части из них материальное положение объективно улучшилось. Это было связано с тем, что в ряде случаев люди в силу спонтанно возникших в течение этого года жизненных проблем осознали свое новое положение, которое характеризовалось не только относительно более низкими материальными стандартами жизни, но и принципиальной невозможностью решать наиболее насущные жизненные проблемы (жилье, здоровье, обучение детей) таким образом и теми путями, как это позволяет себе делая основная часть общества. Нам удалось зафиксировать (применительно к нашей выборке) превращение части бедных в исключенных в тот самый момент, когда количество в них стало массово переходить в качество.

Это предположение основывается на том, что многие домохозяйства, продемонстрировавшие в 2000 г. высокие показатели индекса эксклюзии, хотя в 1999 г. показатели этого индекса были у них в пределах нормы, при вопросе о самоидентификации в 1999 г. очень часто характеризовали себя находящимися

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

за чертой бедности. В этом заключалось их принципиальное отличие от тех, кто при том же уровне лишений еще не склонны были в 1999 г. идентифицировать себя как находящихся за чертой бедности (наиболее характерными были высказывания «пока еще не за чертой, но близко к ней», «скорее еще нет», «бедные, но для нас это состояние временное»). В 1999 г. домохозяйства, судя по индексу эксклюзии не являвшиеся тогда исключенными, уже изменили свою самоидентификацию, но еще не вполне осознали, что их новое состояние — это не просто низкий уровень доходов, но принципиально иной образ жизни, попадание в иной мир, в «Зазеркалье», в «черную дыру», выбраться из которых для них уже почти невозможно. И здесь мы снова сталкиваемся с «эффектом накопления».

В этой ситуации пока не так важно, с чем был связан скачок от бедности к эксклюзии — с отсутствием необходимых доходов, социального ресурса или чем-либо еще. Главное в том, что осознание своего нового положения происходило обычно скачкообразно, и поводом (но не причиной) зачастую выступала актуализация какой-то потребности. Невозможность удовлетворения этой базовой потребности вызывала ощущение абсолютной беспомощности решить проблемы самостоятельно и понимание того, что нет никаких путей их решения, хотя потребности эти очень значимы, и, на первый взгляд, их удовлетворение гарантировано государством.

Видимо, через несколько лет, когда формирование новой социальной структуры России завершится, большинство тех, кто становится сегодня социально исключенным, уже будут адекватнее воспринимать свою ситуацию, а постоянно вновь попадающие в пограничную, «серую зону» эксклюзии начнут быстрее и лучше понимать, что с ними происходит. Те же, кто так и не сумеет вернуться из этой зоны в мейнстрим, будут пополнять ряды исключенных, понимая свой новый статус и не рассматривая его как временное состояние, характерное для всех и связанное с начавшимися в стране реформами, что неоднократно отмечалось в нашем исследовании. Начнется и самовоспроизводство социально исключенных, о котором как о массовом явлении применительно к крупным российским городам говорить пока преждевременно. Тогда, видимо, по крайней мере в отношении своей социальной структуры, Россия вступит в эпоху постмодерна, где, по определению А. Турейна, происходит переход от вертикального общества к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии [Touraine 1991, p. 7-13].

4. Социальная эксклюзия и проблемы занятости

До сих пор я сознательно отвлекалась от такой значимой для понимания развития социальной эксклюзии проблемы, как взаимоотношение социальной эксклюзии и доступа к стабильной адекватно оплачиваемой работе. Это в первую очередь обусловлено тем, что этот вопрос ввиду его чрезвычайной важности необходимо рассмотреть особо.

Я, разумеется, учитывала, что эксклюзия не столь жестко связана с безработицей, как бедность. Учитывала я и уже имевшиеся данные исследований,

подтвердившиеся и в ходе наших опросов, что эксклюзия часто порождается не безработицей, а особым типом занятости — нестабильной, дифференцированной занятостью, которая выступает скорее как источник фрагментации и ненадежности, чем гарантия безопасности, т. е. тем типом занятости, который L. Wasquant охарактеризовал как «продвинутая маргинальности (advanced marginality)» [Wasquant 1996, p. 121—140].

Сразу скажу, что существенных отличий в характере занятости членов исключенных домохозяйств от остальных семей в нашей выборке не обнаружилось. Возможно, это было связано с тем, что эффект накопления во многих из них еще не сработал в полной мере. Но не менее вероятно и то, что в российских условиях стабильная занятость так же мало гарантировала от эксклюзии, как в более развитых странах временная и дифференцированная занятость. В России даже полная стабильная занятость далеко не всегда означает регулярное получение зарплаты, а тем более ее приемлемый размер.

В то же время при характеристике причин ухудшения своего положения 49 % представителей «серой зоны» и 35 % представителей домохозяйств с глубокой эксклюзией назвали причины, связанные именно с работой (потеря работы, кризис на предприятии, невыплаты зарплаты и т. д.). Говоря о своих надеждах на улучшение ситуации, ряд респондентов также связывали их с нахождением работы. Поэтому рассмотрению проблемы поиска работы в исключенных домохозяйствах я уделила особое внимание.

Напомню в этой связи, что при количественном анализе полученного массива данных общей чертой большинства исключенных домохозяйств оказалось отсутствие ссылки на то, что в семье кто-то ищет работу, поскольку работа уже есть и она их вполне устраивает (при ответе на вопрос, ищет ли кто-либо в семье работу). Из 57 исключенных домохозяйств, в том числе 37 — с первым и 20 — со вторым уровнем эксклюзии, только в 25 домохозяйствах (соответственно 15 и 10) сказали, что кто-либо в их семье ищет работу. В 32 домохозяйствах работу никто не искал. При этом только в 10 из них (в 9 с первым и в 1 со вторым уровнем эксклюзии) ее не искали, так как уже имевшаяся работа устраивала членов домохозяйства. Более того, в половине семей с глубокой эксклюзией и в трети семей, находившихся в «серой зоне», имелись безработные трудоспособного возраста.

Почему же в 22 домохозяйствах, относившихся к числу исключенных, в том числе в 9 домохозяйствах с глубокой эксклюзией (т. е. почти в половине всех домохозяйств этой группы), даже не пытались найти для своих членов работу получше или вовлечь в занятость пока незанятых членов семьи, тем самым более эффективно использовать этот важный механизм интеграции для преодоления собственной эксклюзии? Сразу подчеркну, что это не было связано с возрастом. Всего 2 домохозяйства из этих 22 состояли из пенсионеров. Почему же доступ к такому механизму интеграции, как работа, не предотвратил эксклюзии тех домохозяйств, где были работающие? Почему проблема с работой вообще не входила для большинства социально исключенных в число наиболее значимых с точки зрения причин неустроенности их жизни проблем, и только 10 домохозяйств из 37 домохозяйств «серой зоны» и 4 домохозяйства из 20 с глубокой эксклюзией назвали ее в среди трех наиболее значимых проблем домохозяйства? И вообще, почему значимость проблем, связанных с работой,

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

у представителей «серой зоны» была выше, чем у представителей глубокой эксклюзии?

Чтобы ответить на все эти вопросы, приведу несколько примеров из жизни тех исключенных домохозяйств, наблюдение за которыми мы осуществляли с 1996 г. Всего таких было 10 из 19, за которыми велось наблюдение, в том числе 3 с глубокой эксклюзией.

Первый пример из Москвы, с ее очень ёмким рынком труда. Наблюдали за домохозяйством, в составе которого есть наркоман. Александр жил вдвоем с матерью-медсестрой, которая к 2002 г. вышла на пенсию. В момент первого опроса в 1996 г. Александр имел постоянную оплачиваемую работу (звукооператор в театре), но уже был предупрежден об увольнении. С тех пор стабильной работы не имел, хотя старался подрабатывать на разовой основе (подряжался реставрировать церковь, строить коровники и т. п.). В момент опроса в 1999 г. лежал в больнице в тяжелом состоянии, вызванном наркотической зависимостью. В 2000 г. нигде не работал, был заметно неадекватен. В 2002 г. он только что устроился работать курьером и надеялся, что сумеет на этой работе продержаться, но был в очень тяжелом психологическом состоянии.

Второй пример неблагополучного домохозяйства — семья Татьяны, женщины 37 лет с неполным средним образованием, проживавшей с 75-летней матерью и тремя дочерьми 18, 11 и 7 лет в Воронеже. Во время первого опроса после периода официальной безработицы работала уборщицей в ведомственном доме при авиазаводе. Татьяна имела стабильную работу, но получала маленькую зарплату и в плане трудоустройства вряд ли могла претендовать на большее. Свое положение она связывала с алкоголизмом: «Если бы все, кто может работать, не пили, было бы легче. Оба моих бывших мужа так вот опустились. И я из-за них тоже».

В семье Натальи, которая во время первого опроса после периода официальной безработицы была трудоустроена службой занятости помощником воспитателя в детском саду, а затем сменила место работы и стала швеей-закройщицей в частной фирме, проблемы семьи были вызваны не столько ее двумя детьми-школьниками, сколько ее мужем. «Материальное положение немного стабилизировалось, и я надеюсь на дальнейшее улучшение в связи с тем, что муж сейчас работает. Однако это случилось буквально месяц назад, а до этого муж 2 года не работал (не платили зарплату, несколько раз устраивался, пил, сильно опустился), конечно, было очень тяжело. Причем в течение очень длительного периода». Хотя муж по специальности газосварщик, из-за алкоголизма его брали на работу только грузчиком, и к 2002 г. положение семьи стало просто критическим.

С алкоголизмом в семье связаны и почти все остальные истории. В то же время и алкоголизм не вел жестко ни к эксклюзии, ни к обеднению домохозяйства. Семьи, в которых кто-то злоупотреблял спиртным (таких у нас в выборке оказалось 30 на 105 обследованных домохозяйств), точно поровну распределились между исключенными и неисключенными домохозяйствами. В то же время из 10 семей, для которых алкоголизм их членов входил в три наиболее значимые проблемы неудовлетворенности жизнью, 8 оказались среди исключенных. Видимо, это связано с разной степенью развития алкоголизма и с разной длительностью существования этой проблемы в семье. Однако специально этот вопрос нами не изучался.

Отмечу в этой связи, что среди исключенных были и вполне социализированные домохозяйства.

У Владимира, пожилого мужчины с высшим образованием, отличавшегося плохим здоровьем, проблемы с занятостью начались еще в середине 1990-х годов. С тех пор он не имел стабильной работы. У него в этот период была частичная самозанятость, связанная с охраной и ремонтом автотранспорта. Это началось с временного устройства сторожем на автостоянку. По уровню жизни его семья относилась к малообеспеченным, в 2000 г. их положение даже несколько улучшилось в связи с выходом на работу сына, но при этом, по словам Владимира, «жену в любой момент с завода могут уволить, какие уж тут улучшения». Многолетнее пребывание в состоянии нестабильной занятости, несмотря на активные поначалу поиски работы и готовность к ней, в совокупности с плохим здоровьем фактически исключили для него нахождение стабильной хорошо оплачиваемой работы для преодоления эксклюзии.

В семье Сергея, проживавшего в Воронеже с двумя детьми-школьниками и матерью-инвалидом, проблемы с работой начались еще в 1996 г., когда он был предупрежден об увольнении. В 1997 г. он был трудоустроен службой занятости слесарем на завод радиоэлектронных приборов. При этом почти сразу же он столкнулся с задержками зарплаты и нестабильностью занятости (неоплачиваемые отпуска в период простоев завода). Работал там и в 2000 г., но оценивал работу как «плохую, потому что очень мало платят. На заводе ситуация нестабильная, задержки зарплаты. Надежды связаны с выборами: нужно полностью менять городское и областное начальство. Когда был безработным (1996—1999), пережил самый тяжелый период. Но работа ничего особо не изменила, осталось то же самое, а людей обдирают. Зарплата низкая, цены растут».

Обобщая как эти, так и другие истории 10 исключенных домохозяйств, за которыми мы наблюдали с 1996 г., можно сказать, что независимо от того, изменилось их состояние в лучшую или в худшую сторону либо осталось прежним, для подавляющего большинства из них это никак не было напрямую связано с занятостью респондентов или проживавших совместно с ними членов их семей. Наоборот, проблемы с занятостью в этой группе почти для всех были связаны либо с алкоголизмом, либо с плохим здоровьем трудоспособных членов домохозяйств. И то, и другое оставляло возможность только нестабильных и малооплачиваемых работ, которые не могли серьезно повлиять на ситуацию в домохозяйстве. Как отметил один из респондентов, «все плохое, что у нас сейчас, связано со мной, с моим здоровьем. Работать в полную силу я сейчас не могу. Положение... ухудшилось. Выросли, навалились проблемы». Отклонения от этого общего правила, по крайней мере в нашей выборке, были возможны только в неполных семьях с детьми, возглавляемых мужчинами.

Для сравнения приведем пример домохозяйства, которое за период наблюдений сумело выйти из «серой зоны» и вернуться в мейнстрим.

Семья Валентины Петровны, полная воронежская семья с двумя выросшими за время наблюдений совместно проживающими детьми, на всех этапах наблюдений относилась к малообеспеченным. Это тот уровень благосостояния, когда эксклюзия с равной вероятностью могла либо присутствовать, либо нет. В 1996 г. Валентина Петровна, потеряв работу инженера в связи с кризисом на предприятии, не захотела работать по направлению службы занятости (кассиром в магазине) и с 1997 г. практикует самозанятость. Работала интервьюером, постоянно подрабатывает на выборах, которых в Воро-

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

неже за это время было много. Влилась в новый социальный круг, связанный с обслуживанием выборов, ей постоянно звонят и предлагают подработать. Снижение уровня жизни в период 1996—1997 гг. было связано не только с ее безработицей, но и с задержками зарплаты мужа в период кризиса на его предприятии. Впоследствии муж стал самозанятым. Впрочем, его микробизнес не приносит особых денег, и семья остается по уровню жизни в положении стабильно малообеспеченной. В последнее время отмечают улучшения, связанные с работой дочери, большей стабильностью на работе у мужа, поступлением в университет сына.

Валентина Петровна вполне довольна своим режимом работы, «нашла себя». Надеется на дальнейшее улучшение: «Наше материальное положение мало изменилось. Но у нас сейчас есть работа, муж неплохо зарабатывает, я нашла себе очень удобный приработок... Я уверена, что мои дети сумеют хорошо устроить свою жизнь, найдут хорошую работу, а может, и нам помогут. В целом мне кажется, что трудные времена у нас позади, хотя что можно знать при нашей непростой жизни».

В этой семье так и не были найдены источники полной стабильной занятости, но жизнь наладилась, есть активная включенность в социальные связи, перспективы улучшения, дети достаточно благополучно начинают свою самостоятельную жизнь. Безусловно, здесь сказались и активность всех взрослых членов семьи, и их образование, и отсутствие в семье тяжелобольных, и ряд других факторов. Однако этот пример интересен тем, что доказывает возможность выйти из «серой зоны». В нашей выборке 1999 г. это не было редкостью: из 40 домохозяйств, находившихся в 1999 г. в «серой зоне», за год наблюдений выйти из нее удалось 16 домохозяйствам.

Таким образом, ситуация в обследованных домохозяйствах показывает, что причиной эксклюзии являлось не отсутствие работы как таковой, а отсутствие «хорошей», т. е. стабильной, хорошо оплачиваемой работы. Что касается причин дискриминации по поводу такого рода работы, то только представители 2-х из 57 исключенных домохозяйств считали, что получение такой работы для них ничем не ограничено, причем эти две респондентки как раз имели очень серьезные ограничения по эффективному трудоустройству (одна из них была инвалид, вторая — пьющая санитарка из больницы, которая кормила семью тем, что приносила с работы, и поэтому была довольна своей работой). Остальные среди основных причин невозможности получить такую работу называли здоровье (46 %) и возраст (41 %), что было в полтора раза больше, чем в группе неисключенных домохозяйств.

Подводя итоги рассмотрения взаимосвязи эксклюзии и доступа к работе на примере обследованных домохозяйств, можно сказать, что зависимость между дискриминацией в эффективной занятости и эксклюзией не прямая, а опосредованная факторами риска. Те или иные факторы риска, прежде всего здоровье, затрудняют для человека поиск гарантирующей от эксклюзии работы или сводят «на нет» (алкоголизм кого-то из членов семьи или большое число иждивенцев) эффект от ее наличия. Большинство трудоспособных членов исключенных семей работали; причем в исключенных домохозяйствах в основном преобладали семьи, где не было безработных трудоспособного возраста. Но работали многие из них на рабочих местах с низкой зарплатой, где были длительные задержки с ее выплатой. Характерна эта ситуация и для домохозяйств, где было много иждивенцев. Если такое положение длилось достаточно долго, то

соответствующие домохозяйства имели очень высокий уровень риска оказаться в ситуации эксклюзии.

Можно сделать вывод, что социальная эксклюзия в ее формах, характерных в России, достаточно типична для ее проявления в других странах, и процессы глобализации, в которые после начала реформ включена и Россия, привели в ней к характерным для всех стран мира процессам изменения социальной структуры. И хотя в российском обществе эти процессы отличаются национальной спецификой (например, меньшей ролью тендерных различий для возникновения эксклюзии и маргинализации, дискриминацией не столько через нарушение гражданских прав, сколько через исключение из эффективных социальных сетей, которые приняли на себя в России всю нагрузку в связи с отсутствием в ней гражданского общества, многомесячные невыплаты зарплат или их крайне низкий уровень при формальном наличии полной стабильной занятости как фактор риска возникновения эксклюзии и т. д.), они не меняют общей типичной картины развития эксклюзии. Беда заключается в том, что глобализация захватила Россию в тот момент, когда она не была к этому готова ни с точки зрения реализуемой социальной политики, ни с точки зрения наличия соответствующего законодательства, ни, самое главное, понимания того, что же, собственно, происходит.

В этой связи хотелось бы напомнить характеристику социальной эксклюзии М. Кастельса. «Сравнительные данные показывают, — писал он, — что в основном во всех городских обществах большинство людей и/или их семей для получения денег работают, даже в бедных районах и в бедных странах. Вопрос заключается в том, какой вид работы, за какую плату, при каких условиях? Основная масса родовой рабочей силы не имеет постоянного места работы, циркулируя между различными источниками занятости (которая носит главным образом случайный характер). Миллионы людей постоянно находят и теряют оплачиваемую работу, часто включены в неформальную деятельность... Более того, потери стабильной связи с местом работы, слабые позиции работников при заключении контрактов приводят к более высокому уровню кризисных ситуаций в жизни их семей: временной потере работы, личным кризисам, болезням, пристрастию к наркотикам/алкоголю, потере сбережений, кредита. Многие из этих кризисов связаны друг с другом, порождая спираль социального исключения, идущую вниз...» [Кастельс 2000, с. 499—500].

Так Кастельс с удивительной точностью описывает «пусковой механизм» социального исключения, развивающегося в России применительно к миллионам людей. Именно особый характер работы, которая для них доступна и которая не предотвращает ни бедности, ни эксклюзии, предопределяет слабую заинтересованность многих россиян в ее получении как средства решения проблем, способа успешной интеграции в общество. Возможно, что при более благоприятной ситуации на рынке труда многие из ныне исключенных домохозяйств смогли бы вернуться в мейнстрим, но пока они все глубже погружаются в «черную дыру» эксклюзии и нарастающей бедности.

5. Социальная эксклюзия, депривация и бедность

Одной из важных задач исследования было определение того, как же соотносятся между собой в условиях России бедность и эксклюзия. Эту задачу так или иначе уже решали как российские, так и западные социологи, которые указывали, что, с одной стороны, эксклюзия хотя и включает бедность, все же более широкое понятие, которое выражает сочетание недостатка прав и ограниченного доступа к институтам, распределяющим ресурсы [Abrahamson 1998; De Haan 1998]. С другой стороны, бедность далеко не всегда и не во всех обществах означает эксклюзию, так как бедными может быть и большинство населения [Paugam 1996]. На связь между эксклюзией и бедностью применительно к условиям России указывали и российские социологи.

Своеобразным связующим звеном, мостом между концепциями эксклюзии и бедности стала концепция П. Таузенда, который определяет бедность не столько через уровень жизни, сколько через сам образ жизни и характер испытываемых лишений. Таузенд попытался описать новый социальный феномен — эксклюзию, свидетелем возникновения которого он был и значение которого одним из первых почувствовал через традиционную концепцию бедности, придав ей новый смысл. Согласно Таузенду, набор лишений, выступающих мериллом бедности, включал и лишения в сфере социального участия, делающие невозможным поддержание стандартов жизни, традиционных в данном обществе. Оперируя привычным понятием «бедность», Таузенд пытался зафиксировать и измерить эксклюзию.

Поэтому не удивительно, что, анализируя ответы респондентов, характеристики бедности, которые они давали в своих интервью, мы старались понять, отождествляют ли они эти явления или для них быть бедным еще не означает быть исключенным. Многие респонденты действительно различали эксклюзию как особый образ жизни и бедность как просто низкий уровень жизни, характерный ныне для большинства россиян. Бедность в восприятии респондентов создавала опасность при определенных условиях оказаться в ситуации эксклюзии. В связи с этим с помощью количественных методов я попыталась определить, на каком же уровне бедности угроза эксклюзии становится неотвратимой. При этом, учитывая споры о способах измерения бедности, было использовано два критерия: 1) абсолютный критерий бедности (доходы менее прожиточного минимума или определенной его доли); 2) относительный критерий бедности, в качестве которого в нашем исследовании выступали показатели индекса материальной депривации (табл. 6).

Из табл. 6 видно, что эксклюзия более связана с реальной депривацией, а не с уровнем доходов. Наиболее же тесную связь демонстрировали глубокая эксклюзия и нищета. В то же время было достаточно много домохозяйств, в том числе и находившихся в состоянии нищеты, где не было зафиксировано эксклюзии. Поэтому на втором этапе исследования мы еще раз проверили взаимосвязь эксклюзии и уровня депривации (табл. 7).

На основании табл. 7 обнаружено, что сдвиг, происшедший в составе исключенных, за год наблюдений привел к более четкой зависимости между уровнем депривации и эксклюзией. Учитывая суть концепции Таузенда, утверждаю-

Таблица 6 Уровень материальной обеспеченности домохозяйств с разным уровнем эксклюзии в 1999 г. (чел., %)

Душевой среднемесячный доход по сравнению с прожиточным минимумом	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Доходы превышают региональный ПМ	10/18	6/15	0
Доходы на уровне или ниже регионального ПМ	30/56	15/37	5/71
Доходы ниже половины регионального ПМ	14/26	19/48	2/29
Показатель индекса материальной депривации	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Нищета	5/9	10/25	5/72
Бедность	14/25	17/43	1/14
Малая обеспеченность	28/49	13/32	1/14
Средняя обеспеченность	10/17	0	0

Таблица 7 Уровень депривации домохозяйств с разным уровнем эксклюзии в 2000 г. (чел. %)

Показатель индекса материальной депривации	Домохозяйства без эксклюзии	Домохозяйства с эксклюзией	Домохозяйства с глубокой эксклюзией
Нищета	1/2	5/13	9/45
Бедность	11/26	15/41	8/40
Малая обеспеченность	15/36	15/41	3/15
Средняя обеспеченность	15/36	2/5	0

шей именно невозможность поддерживать определенный общепринятый образ жизни и, следовательно, пытающейся зафиксировать внешние, наиболее наглядные, «вещественные» проявления эксклюзии (включающей, впрочем, также, на наш взгляд, и огромный социально-психологический пласт проблем, остающихся обычно за гранью измерений даже при относительном подходе к бедности), я выявила, что бедность с позиций относительной концепции бедности гораздо жестче связана с глубиной эксклюзии, чем бедность в абсолютном ее понимании. Если брать во внимание эффект накопления, то это также кажется вполне логичным.

Определяя выявленную общую тенденцию, можно сказать, что глубокая эксклюзия, как правило, была связана с нищетой, просто эксклюзия («серая зона») — с бедностью или малой обеспеченностью, отсутствие эксклюзии требовало хотя бы уровня малой обеспеченности, и почти не встречалась эксклюзия в нашей выборке на уровне средней обеспеченности. С учетом гипотезы о роли уровня доходов для компенсации последствий различных форм дискриминации, о которой я говорила в начале статьи, это не вызывает удивления.

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Поражает скорее следующее. В ходе исследования определилось значительное число домохозяйств (12), в которых эксклюзия с помощью применения индекса эксклюзии не фиксировалась, хотя уровень депривации домохозяйства был высоким.

Какие это домохозяйства и чем обусловлены эти данные? Оказалось, что единственным домохозяйством, находившимся в нищете, но не набравшим высокого индекса эксклюзии, было полностью деградировавшее московское домохозяйство пьющей супружеской пары, отдавших сына в интернат, а дочь — бабушке по линии отца в другой город, в котором проживала и мать респондентки — лежащая больная. Представители этого домохозяйства (в нем опрашивались и муж, и жена) говорили, что «мы жили так всегда». Таким образом, в этом домохозяйстве в силу специфики его образа жизни и потребностей, устоявшихся годами, не ощущали собственной исключенности, а следовательно, и замерить глубину исключенности с помощью индекса эксклюзии было невозможно. Но стало ясно, что реальная нищета по критерию депривации почти стопроцентно гарантирует исключенность семьи.

Что касается остальных 11 домохозяйств, которые находились в состоянии бедности, но не демонстрировали высокого балла эксклюзии, то приведем лишь несколько типичных примеров:

Одинокая пара пенсионеров, в молодости перебравшаяся из села в Москву, в 1999 г. говорила, что «мы тоже бедные, но такие же, как все», а в 2000 г. — «положительно стало немного лучше, так как прибавили пенсии».

Работающий воронежский пенсионер (электросварщик) с женой-инвалидом также радовался улучшению ситуации с выплатой пенсий: «Сейчас пенсию платят вовремя, раньше задерживали. Но материальное положение особо не изменилось, потому что растут цены. У нас сейчас нетрудный период, все-таки пенсию получаю вовремя, были затруднения, когда ее задерживали. Надежды на улучшение связываю... с повышением пенсии».

Семья молодого грузчика из Москвы проживала с родителями, у главы семьи незадолго до опроса умер отец. Хотя респондент довольно долго был то безработным, то частично занятым, уровень жизни семьи до смерти отца респондента был достаточно высоким. Фактически, несмотря на резкое снижение уровня жизни перед опросом, материальные трудности в этом домохозяйстве только начались.

Мать-одиночка студентка владикавказского мединститута имеет постоянную работу медсестры в больнице, различные приработки и получает стипендию как мать-одиночка. Низкий уровень жизни в значительной степени обусловлен болезнью родителей респондентки: «Мама на инвалидности (II группа), отца парализовало. Его заработки были главным доходом в семье. Надежды связаны с тем, что я буду больше зарабатывать, так как надеюсь на свою профессию. Сейчас от случая к случаю работаю в фирме консультантом по косметике, но с удовольствием, потому что работа хорошая. Кроме того, подрабатываю дистрибьютором в швейцарской фирме».

Из приведенных выше примеров видно, что бедные домохозяйства без эксклюзии — это: 1) недавно обедневшие семьи, в которых нужда еще не успела привести к эксклюзии (нет эффекта накопления); 2) семьи, состоящие только из пенсионеров, имеющих очень скромные запросы; 3) семьи, где деграда-

ция домохозяйства зашла так далеко, что они полностью приняли определенный, нехарактерный для мейнстрима образ жизни и не испытывают потребности в более полной интеграции в социум.

Таким образом, стало понятнее, почему не все бедные семьи являлись исключенными и (или) не ощущали себя таковыми. Но почему же многие малообеспеченные семьи и даже отдельные домохозяйства, которые вполне благополучны по российским меркам с точки зрения уровня их материального благосостояния, демонстрировали высокие показатели индекса эксклюзии?

Выше я уже говорила о том, что в группу исключенных попали в основном те домохозяйства, которые раньше были включены в мейнстрим, но в результате событий последних лет выпали из него и очень болезненно это переживают. Неслучайно 75 % лиц в группе с глубокой эксклюзией отмечали, что раньше покупали журналы и газеты и посещали различные культурные и развлекательные мероприятия, а теперь не могут этого делать. Иначе говоря, ряд лидирующих по значимости позиций анкеты (именно для группы исключенных) был связан с утратой важнейших характеристик социальной включенности, интегрированности в социальную жизнь.

И здесь я подхожу к так называемой проблеме «новых» и «старых» бедных. «Старые» бедные — это представители домохозяйств, которые и в СССР принадлежали к бедным слоям (многодетные семьи, матери-одиночки, семьи тяжелых алкоголиков, инвалидов), хотя глубина их бедности была тогда значительно меньше. «Новые» бедные — это вполне обычные домохозяйства, которые раньше вели такой же образ жизни, как основная часть общества, но сейчас «выпали» в бедность из-за последствий экономических реформ 1990-х годов. В нашем исследовании глубокая эксклюзия была в большей степени характерна для «старых» бедных, а пребывание в «серой зоне» — «для новых».

Если говорить о социально-демографических портретах этих групп, в том числе и в нашем исследовании, то специфика «новых» бедных проявлялась прежде всего в их занятости. Большинство «новых» бедных составляли «белые воротнички», работавшие в бюджетной сфере. При этом главы этих семей примерно поровну были представлены как специалистами с высшим образованием, так и служащими, а среди остальных работающих членов семей в большей мере были не специалисты, а «белые воротнички». В то же время среди «старых» бедных было больше рабочих, в том числе неквалифицированных.

Кроме того, у «старых» бедных домохозяйства, в которых не было ни одного работающего, встречались в нашем исследовании втрое чаще, чем у «новых». Анализ истории жизни домохозяйств «старых» бедных по методу life-story показал, что для них в гораздо большей степени характерно либо хроническое пребывание в экономически неактивном состоянии, либо постепенное выпадение из экономической активности. Так, в опрошенной совокупности из 105 бедных домохозяйств Москвы, Воронежа и Владикавказа в 1990 г. среди «старых» бедных не работали 14 % глав семей (у «новых» бедных всего 5 %), а в 2000 г. не имел работы уже каждый третий глава семьи «старых» бедных (и только каждый десятый глава домохозяйств «новых» бедных). Утрата экономической активности характеризовала в первую очередь рабочих (как квалифицированных, так и неквалифицированных) из домохозяйств «старых» бедных, в то время как число работающих специалистов и «белых воротничков» в них за 10 лет российских реформ почти не изменилось.

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Разной была и структура доходов в домохозяйствах «старых» и «новых» бедных, в частности роль социальных трансфертов. Пенсии входили в число трех важнейших источников доходов в 73 % домохозяйств «старых» бедных и 50 % домохозяйств «новых» бедных. Различные виды пособий (по безработице, матерям-одиночкам, малообеспеченным) вошли в число трех важнейших источников дохода у 36 % домохозяйств «старых» бедных и только у 9 % «новых». Для «старых» бедных относительно важна помощь родственников и друзей, зато для «новых» бедных большое значение имели доходы от различных видов дополнительной трудовой деятельности (регулярная вторичная занятость, разовые приработки, занятость в подсобном хозяйстве).

Таким образом, «новые» бедные в большей степени были ориентированы на активную модель экономического поведения и достаточно последовательно ее реализовывали. И хотя многие из них готовы были не только работать, но и учиться и переучиваться и достаточно активно это делали, члены этих домохозяйств часто понижали свой социальный статус ради того, чтобы не оказаться безработными. Так, в 2000 г. 18 % респондентов из домохозяйств «новых» бедных работали неквалифицированными рабочими, хотя в 1990 г. таких было только 8 %. Зато среди них резко сократилось число служащих.

Естественно, это означало для них не только потерю стабильной и хорошо оплачиваемой квалифицированной работы, к которой они привыкли, вытеснение их в «серую зону» эксклюзии, но и утрату привычного для них образа жизни и круга общения, сильную фрустрацию, высокий уровень напряженности развитой системы потребностей, что порождало гораздо более отчетливое осознание собственной эксклюзии. Именно поэтому, если семья «новых» бедных оказывалась на первой или второй ступенях депривации (нищета и бедность), неизбежно высокими становились показатели эксклюзии (например, в отличие от семей неквалифицированных рабочих). Особенно наглядно это проявлялось в семьях с высшим образованием у глав семей, для которых раньше был характерен гораздо более сложный и разносторонний образ жизни, чем теперь, и которые особенно болезненно ощущали свою эксклюзию, впадая в бедность. Неслучайно в нашей «бедной» выборке половина всех семей, главы которых имели высшее образование, оказалась в числе представителей глубокой эксклюзии. Нельзя не учитывать и того, что свое нынешнее положение они переживали острее и болезненнее из-за отсутствия опыта бедности. «Старые» бедные привыкли жить с меньшими запросами, запросы же «новых» бедных в отношении необходимого для жизни уровня доходов были примерно в два раза выше запросов «старых» бедных.

Сложности, переживавшиеся этой группой, связаны были не столько с высоким уровнем фактической безработицы в России, сколько со структурной перестройкой ее экономики, длительными невыплатами зарплат. Проблемы с работой называли в качестве причины снижения своего жизненного уровня более половины «новых» и только четверть «старых» бедных. Помимо того, что последние вообще меньше были ориентированы на трудовую активность, они чаще ссылались на болезнь или алкоголизм одного из членов семьи, мотивируя причины собственной бедности.

С точки зрения самоидентификации, «новые» бедные свой нынешний статус еще не приняли. Они признавали, что находятся на грани бедности, хотя

объективно их положение реально было не легче, чем у «старых» бедных. За счет накопленных ранее ресурсов (как имущественных, так и социальных) их положение пока было несколько лучше с точки зрения испытываемых лишений. Однако средний уровень душевых доходов в их семьях был примерно таким же, как в семьях «старых» бедных.

В то же время ни собственное бедственное положение, ни острота его переживания еще не привели к изменению круга общения «новых» бедных (в отличие от «старых» бедных, большинство окружающих «новых» бедных составляли люди, которых сами себя бедными не считали). Если «старые» бедные общались преимущественно с соседями, то структура общения «новых» бедных была достаточно разнообразна.

Итак, по ряду признаков было видно, что большинство «новых» бедных находились еще в «серой зоне», и маргинализация у них либо еще не началась, либо только-только начиналась. Логичным следствием этого являлось то, что эти две группы бедных имели разные шансы вырваться из эксклюзии и бедности. За год наблюдений почти каждое четвертое домохозяйство «новых» бедных улучшило свое положение, а 45 % домохозяйств ухудшило. В то же время у «старых» бедных оно улучшилось только в 14 % случаев, а ухудшилось в 82 % домохозяйств. Таким образом, эти группы бедных характеризовались в современной России тенденцией к ухудшению их положения, но в среде «старых» бедных это приобрело поистине катастрофический характер.

Бедность ведет к эксклюзии в случае длительного, занимающего много лет нарастания депривации. При пересечении определенного порога бедности (обычно совпадавшего в нашем исследовании с границей между малой обеспеченностью и собственно бедностью по шкале депривации) домохозяйство, как правило, попадает в «серую зону». Более того, уровень нищеты по шкале депривации обязательно будет означать объективно существующую, хотя и не всегда осознаваемую эксклюзию. При плавном многолетнем обеднении населения эксклюзия, вследствие изначально неразвитой структуры потребностей или добровольного их самоограничения может не осознаваться, пока не актуализируются значимые потребности, которые оказывается невозможным удовлетворить из-за низкого уровня доходов и дискриминации во всех альтернативных формах решения проблем (господдержка, ресурсы сетей).

Вместе с тем тот временной лаг, те несколько лет, которые проходят с момента попадания в бедность до завершения формирования исключенности, составляют достаточно большой срок, который в зависимости от своих возможностей семьи могут использовать по-разному. Поэтому индивидуализированность ситуации в домохозяйствах, вероятностный характер влияния различных рисков на угрозу возникновения эксклюзии определяют не только индивидуализированность реакции домохозяйств на свое новое состояние. Время нахождения в «серой зоне», перспективы возвращения из нее в мейнстрим, застревания в ней или «скольжения» ко все более глубокой исключенности — все это очень индивидуально, хотя некоторые общие черты, как я пыталась показать, в этом процессе все же прослеживаются.

6. Примерные масштабы эксклюзии

в российском обществе

Динамический характер эксклюзии, эффект накопления, индивидуализация рисков делают, на первый взгляд, невозможной даже постановку вопроса о расчете масштабов эксклюзии применительно к обществу в целом на основе эмпирических данных. Такие расчеты нигде в мире, насколько мне известно, еще не делались. Однако важность получения даже приблизительной картины масштабов эксклюзии в современном российском обществе настолько велика, что, понимая несовершенство используемой методики и недостаточность имеющегося эмпирического материала, я решила воспользоваться полученными в ходе углубленного обследования домохозяйств данными и произвести на материалах общероссийского репрезентативного исследования «Новая Россия: 10 лет реформ глазами россиян», проведенного в октябре 2001 г. с выборкой 1743 человека, хотя бы очень грубый расчет возможных масштабов эксклюзии, используя для этого специальный индекс.

Индекс я строила с учетом описанных выше данных, полученных в ходе изучения эксклюзии в домохозяйствах. Он включал три показателя: 1) средне-месячный душевой доход ниже медианного для данного региона, что резко увеличивает риск социальной эксклюзии, 2) часто испытываемое ощущение невозможности самому повлиять на происходящее и 3) часто испытываемое чувство несправедливости всего происходящего вокруг, т. е. те позиции, которые наиболее жестко коррелировали с наличием эксклюзии в нашем лонгитюдном исследовании домохозяйств и, как правило, будучи представленными одновременно, свидетельствовали о наличии эффекта накопления, возникновении нового самоощущения своего положения.

Как оказалось, наличие всех трех показателей одновременно характеризовало 17,6 % общероссийского массива и 28,3 % опрошенных россиян имели две из трех входящих в индекс позиций. Условно принимая показатель три из трех как эквивалент глубокой эксклюзии, а два из трех как показатель пребывания в «серой зоне», мы обнаруживаем, что в любом случае свыше 40 % населения России в настоящее время могут считаться исключенными или находящимися на грани эксклюзии.

Я проверила, насколько правильно была выделена соответствующая группа. Предположив, что серьезное влияние может оказывать наличие в массиве большого числа людей старше 60 лет (21,1 %), которые склонны к тягостному психологическому состоянию и из-за маленького размера пенсий относятся к малообеспеченным и бедным, я рассмотрела только ответы горожан в возрасте до 60 лет (таких в массиве было 1026 человек). Как оказалось, исключение из рассмотрения лиц старше 60 лет и тех, кто живет в сельской местности (хотя, строго говоря, я не имела на это права), приводит к некоторому, но не радикальному сокращению численности группы исключенных. Одновременно все три позиции индекса при таком подходе имели 13,6 %, а две из трех — 27,4 %. Таким образом, даже, казалось бы, в достаточно благополучной среде каждого седьмого россиянина можно отнести к социально исключенным.

Причем анализ распространения социальной эксклюзии в группах, различающихся уровнем благосостояния (с учетом использования критерия наличия дохода менее регионального медианного дохода и менее половины регионального медианного дохода) показал, что число исключенных согласно примененному индексу и среди бедных, и среди малообеспеченных почти одинаково: 75,4 % у тех, чей душевой доход составляет менее половины региональной медианы, и 71,1 % у тех, чей душевой доход меньше медианы. Учитывая принцип построения индекса (включение в расчет медианы), в более благополучных группах я могла оценить уже только распространенность негативных психологических чувств, входивших в индекс. Как оказалось, оба эти чувства часто испытывали 32,1 % среднеобеспеченных (от одной до двух медиан) и 14,7 % высокообеспеченных (две и более медианы).

Следующей попыткой проверить хотя бы приблизительную правильность оценки масштабов эксклюзии в России стало рассмотрение соотношения исключенных мужчин и женщин. Я предполагала, что женщины так же, как и пожилые люди, изначально более тревожны, и это, учитывая методику построения индекса, может сказаться на его значениях. Оказалось, что среди женщин, согласно индексу эксклюзии, группа социально исключенных действительно была заметно больше: 17,3 % горожанок до 60 лет и только 9,6 % мужчин этого возраста из всех типов городов демонстрировали наличие у них эксклюзии. Эксклюзия, на мой взгляд, является характеристикой не столько индивида, сколько домохозяйства, поэтому можно было бы предположить, что распространенность эксклюзии при игнорировании тендерного аспекта является завышенной. Однако, как выяснилось, такое расхождение в значительной степени объяснялось не психологическими особенностями женщин, а феноменом «женской бедности», большей долей бедных домохозяйств именно в домохозяйствах без взрослых мужчин: среди горожанок до 60 лет малообеспеченные и бедные домохозяйства составляли 40 %, а среди мужчин только 30,6 %. После соответствующего пересчета с учетом феномена «женской бедности» я оценила влияние психологического фактора при оценке разницы ответов мужчин и женщин для расчета эксклюзии в 1,4 раза.

Это позволило для проверки распространенности эксклюзии использовать еще один массив данных — материалы общероссийского исследования «Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?», проведенного в январе 2002 г. с выборкой свыше 1400 женщин в возрасте от 17 до 49 лет (что снижало роль психологического фактора, так как показатели тягостного психологического состояния в группе от 50 до 60 лет у женщин в исследовании «Новая Россия: 10 лет реформ...» были значительно выше, чем у женщин в среднем). Существенную роль в этом сыграл и когортный характер выборки, в результате чего около 60 % составляли женщины до 30 лет, мировосприятие которых вообще довольно оптимистично.

Тем не менее, судя по данным исследования «Женщина новой России...», группа с глубокой эксклюзией составляла в массиве 11,5 % и еще 25,2 % насчитывалось в группе, у которой присутствовали два из трех показателей индекса. Среди городского населения эти группы насчитывали соответственно 9,3 % и 23,8 %. Таким образом, показатели в двух общероссийских исследованиях с разной выборкой, проведенных с интервалом в три месяца, оказались доста-

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

точно близки. Это позволяет говорить о том, что при всей приблизительности полученных цифр индекс позволил зафиксировать достаточно устойчивую и реально существующую в российском обществе группу. Размеры этой группы весьма значительны (около 12—13 % взрослого населения страны в целом, с учетом поправки на психологические особенности женщин, и 9—10 % городского населения непensionного возраста). Еще 25—28 % составляет группа, находящаяся в «серой зоне», на фани эксклюзии. Достаточно жесткий характер расчета индекса позволяет предполагать, что эти цифры скорее занижены, чем завышены. Кроме того, в них не учтена та заведомо неблагополучная часть общества, которая состоит из сезонных рабочих без прописки по месту пребывания, бомжей и других категорий, положение которых заведомо обуславливает их эксклюзию, хотя глубина ее может быть различной. Таким образом, даже самая фубая прикидка показывает, что применительно к проблематике социальной эксклюзии речь идет о миллионах россиян, реально составляющих фуппу социально исключенных.

Однако можно ли группу, выделенную на основании построенного мной для общероссийского массива индекса эксклюзии, действительно считать социально исключенной? Насколько широко распространены в ней реальные явления дискриминации от основных механизмов интеграции и нарушения прав человека?

Чтобы ответить на эти вопросы, применительно к обоим массивам данных я использовала методы линейной регрессии и анализ по кросс-табуляциям. При анализе методом линейной рефессии выяснилось, что характерными особенностями группы социально исключенных являются в первую очередь специфика их психологического состояния (что полностью совпало с идеей о социальной аномии как характерной особенности группы исключенных, имеющей широкую популярность в западноевропейских исследованиях эксклюзии), самооценка себя как социальных аутсайдеров, недостижимость для них реализации тех основных прав, которые формально они имеют, но воспользоваться ими по разным причинам не могут, а также специфика их материального положения.

Наибольшую степень корреляции с индексом эксклюзии в обоих общероссийских массивах продемонстрировал ответ «часто испытываю чувство, что так дальше жить нельзя». Его дали 71,7 % представителей группы с глубокой эксклюзией (еще 25,1 % испытывали это чувство «иногда») и 56,9 % представителей «серой зоны» (где «иногда» чувствовали, что дальше так жить нельзя 35,7 %)*. В более благополучных слоях населения соответствующий показатель составлял около 20 %. На улучшение собственного положения в этой фуппе рассчитывали лишь 14,2 % (26 % в «серой зоне», почти 50 % среди более благополучных слоев).

Далее по степени значимости шла самохарактеристика собственного психологического состояния, когда 45,4 % группы с глубокой социальной эксклюзией охарактеризовали свое состояние, как «сфак и отчаяние», «подавленность» и «озлобление». В «серой зоне» аналогичный показатель составил 27,4 %, а в

* Цифры (если в каждом отдельном случае не оговорено иное) приводятся по результатам исследования «Новая Россия: 10 лет реформ...».

более благополучных слоях населения — менее 10 %. При этом как «спокойствие» и «бодрость» в более благополучных слоях населения свое состояние оценили около 40 % опрошенных, в «серой зоне» — 13,3 %, а в группе исключенных — 7,4 %. В основе этого чувства лежало ощущение социальной заброшенности и беспомощности. Три четверти исключенных жили с постоянным чувством, что никого особенно не волнует то, что с ними происходит. В «серой зоне» его часто испытывали более половины, а среди остальных слоев населения — лишь около четверти опрошенных.

При самооценке собственного социального статуса по 10-балльной шкале почти половина группы исключенных ставила себя на две низшие позиции из 10 (при 23,2 % по массиву в целом). Около трети группы охарактеризовали свои положение и статус в обществе как «плохие» и только 7,2 % как «хорошие». В более благополучных домохозяйствах это соотношение прямо противоположное.

Некоторые особенности жизни представителей группы социально исключенных и доступа их к основным механизмам интеграции делают понятной такую низкую самооценку своего социального статуса. Так, 56,2 % в группе исключенных оценивали возможности получения необходимых им знаний и образования как «плохие» и только 5,2 % как хорошие (остальные оценили их как средние или затруднились ответить). Аналогичное соотношение у представителей «серой зоны» составляло 45,5 : 14,3, а в более благополучных слоях населения примерно 26 : 25. При этом уровень образования в группе исключенных был несколько ниже, чем у более благополучных слоев населения: 37,2 % группы (при 28,3 % по массиву в целом) не имели специального образования и только 26,3 % (при 28,8 % по массиву) имели высшее образование.

Особую тревогу у представителей группы социально исключенных вызывала невозможность для их детей получить хорошее образование: 30,6 % в этой группе, т. е. абсолютно все, кто имел несовершеннолетних детей, назвали это в числе своих основных опасений. Среди представителей мейнстрима невозможность дать соответствующее образование детям вызывало опасение лишь у 18,4 %, т. е. всего у трети имевших несовершеннолетних детей.

Их уделом на рынке труда являлись в основном различного рода малосодержательные работы. Даже среди городского населения трудоспособного возраста возможность самореализации в профессии оценили как «плохую» 44,2 % группы, как «хорошую» всего 1,2%. В «серой зоне» это соотношение составляло 36,2 : 14,1. Прямо обратной была картина для представителей мейнстрима: соответствующие показатели — 16,8 % и 34,3 %. При этом в группе исключенных среди городского населения трудоспособного возраста треть составляли безработные и инвалиды (при соответствующем показателе по массиву 17,3 %) и 35 % — рабочие. Последний показатель ненамного превышал общий показатель по массиву, но среди представителей группы исключенных в числе рабочих было заметно больше рабочих из сферы торговли, чем в массиве в целом. Видимо, это была та часть занятых в торговле, прежде всего на рынках, временных рабочих, которые были достаточно широко представлены в нашем лонгитудном исследовании бедности и социальной эксклюзии.

При этом нельзя сказать, что представители этой группы не стремились к интересной работе или к хорошему образованию (табл. 8).

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

Таблица 8 **Жизненные цели россиян в целом и представителей группы социальной эксклюзии, %**

Жизненная цель	Население в целом	Группа исключенных
Получить хорошее образование:		
1) добились или считают, что смогут добиться;	57,5	48,6
2) хотели, но считают, что не смогут;	23,3	32,7
3) это не входило в их жизненные планы.	19,2	28,0
Заниматься любимым делом:		
1) добились или считают, что смогут добиться;	64,7	51,3
2) хотели, но считают, что не смогут;	30,1	43,1
3) это не входило в их жизненные планы.	5,2	5,6
Получить престижную работу:		
1) добились или считают, что смогут добиться;	50,2	27,7
2) хотели, но считают, что не смогут;	33,6	52,8
3) это не входило в их жизненные планы.	16,3	19,5

Имея в виду наличие у основной массы группы исключенных, выделенных нами по индексу эксклюзии, состоящему из трех показателей, жалоб на реальную дискриминацию их в определенных видах работы и получении необходимого образования, я решила построить более жесткий индекс эксклюзии. Это необходимо было для оценки примерной численности тех, кто не только имеет доходы ниже медианных и почти постоянно испытывает чувство беспомощности из-за невозможности повлиять на происходящее при одновременном ощущении его несправедливости, но и осознает собственную дискриминацию в получении качественной работы и образования. Этот более жесткий индекс эксклюзии был рассчитан применительно к подмассиву только городского населения трудоспособного возраста, т. е. наиболее благополучной части населения в целом. Как выяснилось, все без исключения показатели индекса присутствовали у 6,8 % горожан трудоспособного возраста.

В то же время, и это необходимо специально подчеркнуть, явление глубокой эксклюзии распространено даже в этой среде заметно шире. Как уже отмечалось, представители группы исключенных из числа «старых» бедных подчас не осознают собственной эксклюзии, не ощущают, в частности, своей дискриминации при получении определенных видов работы и качественного образования, так как и то и другое полностью находится вне их привычной жизни. Вместе с тем некоторые представители молодежи из исключенных домохозяйств со свойственным молодости оптимизмом, даже понимая свою дискриминацию по поводу соответствующих механизмов интеграции, не демонстрируют социальной аномии. Я уже не говорю о том, что при расчете максимально жесткого варианта индекса были исключены сельское население и люди старшего возраста, где социальная эксклюзия в силу объективного положения этих групп в российском обществе распространена шире за счет, с одной стороны, ограниченности доступа к развитым рынкам труда, а с другой — сокращения с выходом на пенсию социального капитала. Таким образом, полученные 6,8 % не отражают реальных масштабов эксклюзии в России, которые примерно вдвое больше, и представляют интерес прежде всего с точки зрения оценки числа людей, осознающих свою эксклюзию.

Конечно, вопрос об измерении социальной эксклюзии относится к сложнейшим в мировой социологии. Попытавшись рассчитать распространенность такого явления, как социальная эксклюзия, в российском обществе на базе эмпирического материала, я отнюдь не считаю, что полученные данные отражают масштабы этого явления достаточно точно. Вопрос о распространенности социальной эксклюзии в российском обществе безусловно требует не одного специального исследования. Однако некоторую информацию к размышлению и толчок для построения более совершенных моделей индекса эксклюзии, которые позволили бы точнее замерить это явление, они, мне кажется, могут дать.

Вернемся, однако, к характеристике группы исключенных, выделенных в общероссийском репрезентативном массиве, и посмотрим, с чем в первую очередь была связана такая дискриминация в основных механизмах интеграции — работе и образовании. Прежде всего, как и в нашем панельном исследовании, это было здоровье тех, кто оказался в рядах социально исключенных, — 42,5 % в этой группе и 30,4 % в «пограничной зоне» оценивали свое здоровье как плохое, среди представителей мейнстрима на плохое здоровье жаловались менее 20 %. Массовой в этой группе была проявлявшаяся различным образом озабоченность по поводу невозможности получения необходимой медицинской помощи и отсутствия надежных социальных гарантий в целом.

Большая, чем в других группах, семейная нагрузка сказывалась также отрицательно. Другие объективные социально-демографические характеристики, не были особо значимыми для группы исключенных, хотя прослеживалась некоторая связь эксклюзии со статусом занятости (точнее, принадлежностью к группам пенсионеров и безработных), местом жительства (для жителей сел и малых городов риск ее был чуть выше) и уровнем образования меньшим, чем среднее специальное.

Возможно, что здоровье и большая семейная нагрузка сказались на социальной задезованности и досуге представителей домохозяйств исключенных. Так, 76,4 % исключенных и 63,6 % представителей «серой зоны» не могли в течение двух недель перед опросом выбраться из дома на какие-нибудь мероприятия и торжества вечером или в выходные дни. Соответствующий показатель для населения мейнстрима составлял всего 47,4 %. При этом 53 % представителей социально исключенных, не сумевших куда-то выбраться, говорили о том, что не смогли этого сделать из-за отсутствия денег, в то время как для представителей мейнстрима финансовые проблемы стали ограничителем их активности в 39 % случаев.

Круг общения представителей группы исключенных сводился к соседским и родственным связям. Только половина из них общались с друзьями и знакомыми; в мейнстриме этот показатель составлял около 70 %. Естественно, что поскольку среди видов их активности гораздо реже встречалось посещение различных обучающих, развивающих или развлекательных мероприятий, то и общение с людьми в подобных местах в этой группе было сведено к минимуму. Кроме того, почти 5 % группы исключенных вообще ни с кем не общались вне дома.

Не удивительно, что более половины группы исключенных (55,6 %) оценивали свои возможности проведения досуга как «плохие» (при 31,7 % в мейнстриме). Представители «серой зоны», как и во всех остальных случаях,

Феномен социальной эксклюзии в условиях России

занимали промежуточное положение между группой исключенных и мейнстримом.

Таким образом, даже очень ограниченный в силу отсутствия всей полноты необходимых эмпирических данных анализ характерных особенностей группы социально исключенных показал, что большинство представителей этой группы действительно обладают всеми характерными признаками эксклюзии — от социальной аномии до специфики занятости. Это заставляет говорить о формировании в современном российском обществе среди вполне обычного, на первый взгляд, населения особого многомиллионного слоя социально исключенных, которого не было в социальной структуре России еще 10 лет назад.

Закономерным следствием этого должно являться переосмысление целей социальной политики, учет индивидуализации рисков. К сожалению, в России как к принятию необходимых для нейтрализации негативных эффектов эксклюзии, так и просто к их осознанию сегодня оказалось не готово не только общество, но и широкие научные и политические круги.

Литература

- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Давыдова Н.М.* Взаимопомощь в нуждающихся российских домохозяйствах // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3.
- Давыдова Н.М.* Влияние кризиса занятости на способы выживания и благосостояние домохозяйств. М.: Институт социологии РАН, 2001.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ—ВШЭ, 2000.
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Официальное издание. М.: Госкомстат России, 2000.
- Социально-экономическое положение России. 2000 год. XII. М.: Госкомстат России, 2000.
- Тихонова Н.Е.* С кем россияне себя отождествляют // *Россия на рубеже веков*. М.: РОССПЭН, РНИСиНП, 2000.
- Abrahamson P.* Postmodern Governing of Social Exclusion: Social Integration or Risk Management // *Sociologisk Rapportserie*. 1998. N 13. Kobenhavns Universitet: Sociologisk Institut.
- Beyond the Threshold: the Measurement and Analysis of Social Exclusion / Ed. by Room G.* Bristol: Policy Press, 1995.
- Da Costa A.* On the Concept of Poverty and Social Exclusion: Paper presented at the Eighth Nordic Social Policy Seminar, Stockholm: Sweden. 1995. February, 9—11.
- De Haan A.* Social Exclusion: An Alternative Concept for the Study of Deprivation? *IDS Bulletin*, 1998. Vol. 29. N1.
- Doyle L., Cough I.* A Theory of Human Needs. L.: Macmillan, 1991.
- Friedmann J.* Rethinking Poverty: Empowerment and Citizen Rights // *International Social Science Journal*. 1996. N 148.
- Gough I.* Needs Satisfaction and Welfare Outcomes: Theory and Explanations // *Social Policy and Administration* 1994. Vol. 28. N 1.
- Leonard P.* Postmodern Welfare: Reconstructing and Emancipatory Project, L.: Sage, 1997.
- Poverty and Social Exclusion in Russia / Ed. by Manning N., Tikhonova N.* Aldershot: Ashgate, 2003.
- Paugam S.* Elements of a Comparative Research Perspective on Poverty in European Societies // *Ed. by Y. Meny, M. Rhodes // A New Social Contract? Charting the Future of European Welfare*. L.: Macmillan, 1996.

Social Exclusion in Europe: Problems and Paradigms / Ed. by Littlewood P. Aldershot: Ashgate, 1996.

The Future of Social Policy: Options for the Union. A Green Paper. Brussels: DG V. *Touraine A.* Face a' l'exclusion // *Esprit.* 1991. N 141.

Wacquant L. The Rise of Advanced Marginality: Notes on its Nature and Implications // *Acta Sociologica* 1996. Vol. 39. N 2.